

Читайте:

4 Михаил КОНЬШИН: Мичман Балтийского флота	14 Валентина ТИТОВА: Русанов и его женщины
6 Валерий АНИШКИН: Быт рабочих и крестьян в дореволюционной России	16 Михаил КОНЬШИН: Время настоящих мужчин 18 Ната ЗЯБЛИК: Поэтический венок Беломорью
8 Княгиня М.К. ТЕНИШЕВА: Впечатления моей жизни	20-23 У нас в гостях поэты из Тольятти: В. МИСЮК, Б. СКОТНЕВСКИЙ, Н. ПРИЛЕПО, С. СУМИН
12 История с географией: Ростов Великий	24 Дмитрий ЩЕГЛОВ: Задание получено 26 Виктор ЛИВЦОВ: Волшебство Верхнеочья

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

Психологи вывели формулу успеха и благополучия. Я тоже приложил к этому руку. Мне эти установки помогают. Пусть помогут и вам. Если, конечно, будете последовательным. Вот некоторые советы:

*Поверьте в существование предназначенного для вас добра до того, как оно появится перед вами.

*Не советуйтесь по финансовым проблемам с разорившимися людьми.

*Старайтесь создать ясное представление о предмете своего желания.

*Рост вашего материального благополучия будет соответствовать вашему личностному росту.

*Ищите себе такого наставника, который уже добился того, о чём мечтаете вы.

*Ищите себе наставника, который уже стал тем, кем бы вы желали видеть себя.

*Заранее сейте семена вашего будущего благополучия.

*Если за вами водятся постоянно неоплачиваемые долги, возьмите за правило платить вперёд.

*Пусть сумма приплаты составляет 5%.

*Никогда не поддерживайте мнение о своих стеснённых обстоятельствах.

*Здоровье, любовь, счастье и деньги бесконечны.

*Руководствуйтесь в своей жизни философским подходом по принципу равноценного обмена ценностей.

*Делайте порой что-нибудь приятное и для себя, пусть это будет хотя бы букет свежих цветов, но предназначенный только вам.

*Для появления добра необходимо создание для него свободного пространства.

*По законам природы невозможно вложить в руку что-нибудь хорошее, пока вы не перестанете удерживать в кулаке что-то другое.

*Просите о том, чего вам, по вашему представлению, хочется, но знайте, что вы получите именно то, в чём вы действительно нуждаетесь.

*Самый эффективный способ стать человеком состоятельным — это найти возможность материально обеспечить других людей.

*Самое действенное средство в вашем стремлении к процветанию — это ваша собственная мудрость.

*Истинное процветание приходит только к тем, кто к нему стремится...

Если вам понравилось, скоро продолжим.

№49' май 2024 Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СООЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

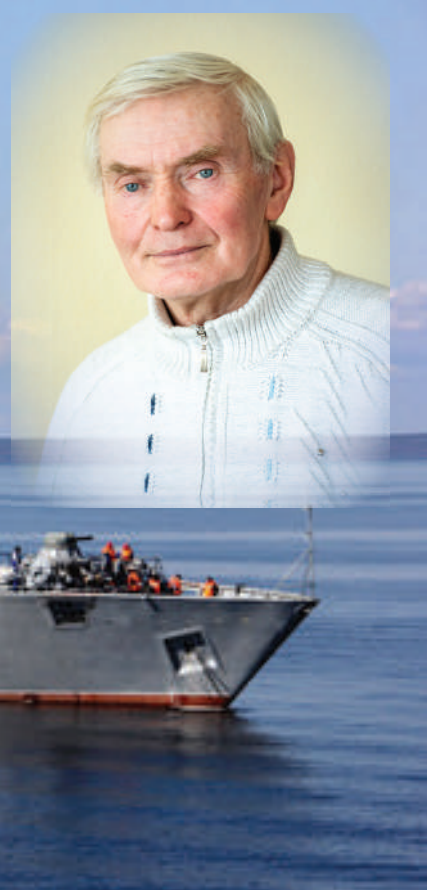
Подписано в печать 01.05.2024 г. Выход в свет: с 01.05.2024 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Заказ №49-НО+ Цена свободная
Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать
присылаемые материалы без объяснения причин

12+

Мичман Балтийского флота

Четверть века он бороздил на кораблях морские просторы, жил в одной и другой столицах, но свой родной дом не забывал никогда

На этот раз в деревню Нижняя Калиновка, что расположена недалеко от Орла, Владимир Васильев приехал по важному делу: нужно было как-то решить, наконец, вопрос с газификацией родительского дома, которая, по его словам, незаслуженно затянулась.

А ещё этот деятельный человек, посоветовавшись с женой, счёл уместным изучить возможность организации туристических маршрутов из Подмосковья, где сегодня живёт, на свою малую родину, то есть в Орловскую область.

– Мы с женой и дочерью уже много лет занимаемся этим делом, – сообщил он. – Европейские маршруты по причине санкций теперь закрыты для наших туристов. Понемногу осваиваем Юго-Восточную Азию, формируем поездки на южные курорты страны. Да и в целом Россия – это же настоящая вселенная для туризма. Орловщина для нашей семейной фирмы может стать хорошим проектом, здесь много интересных мест: литературных, исторических. Болховские монастыри и храмы. Спасское-Лутовиново, Дворянское гнездо, Орловское полесье, музеи и памятники Орла... Мы непременно рассмотрим все возможности.

В разговоре стало понятно, что мой собеседник немалую часть своей жизни прослужил на флоте, на разных, прежде всего, боевых кораблях. Самый что ни на есть настоящий заслуженный мичман.

– Отец мой участник войны, – сообщил Владимир Викторович. – Был стрелком-радистом на торпедоносце Балтийского флота. В детстве он иногда рассказывал о море, дальних походах, нелёжкой, но красивой матросской службе. Наверное, это и определило весь мой дальнейший путь.

Получив аттестат за десятилетку в Платоновской средней школе, Володя Васильев поступил в Таллинское мореходное

училище. На Балтике, где служил и воевал отец. Два курса на радиотехническом факультете пролетели быстро. За это время практиковались на учебном корабле, ходили далеко, даже к берегам Африки.

Во время одного из таких походов прошли срединную линию земли. По этому случаю каждому из курсантов выдали специальный диплом «За переход экватора», его Владимир Викторович хранит, как бесценную реликвию.

А ещё во время того похода состоялось посвящение курсантов в матросы. Один из тех ритуалов, которые не забыть.

– Прямо на корабле, – вспоминает Васильев, – подвесили брезент, наполнили его морской водой. Получилась своего рода лагуна, как в море. Нас построили на верхней палубе, командир приказал всем снять тельняшки и остальную одежду и по одному прыгать в эту лагуну. А на корабле настоящий праздник, День Нептуна. Морской царь во всей красе, русалки, в них нарядили матросов из корабельной команды. Каждому курсанту, кто отработал в лагуне, по возвращении на палубу наливали кружку лёгкого вина и на «пятой» точке ставили шуточную печать. «Всё, – напутствовал каждого посвящённого боцман. – Вот теперь ты настоящий матрос! С печатью!»

По окончании второго курса матроса Васильева и группу его товарищей неожиданно направили в Москву, где переодели в лёгкую гражданскую одежду, выдали даже шорты и доставили в аэропорт Чкаловский. Через несколько часов их самолёт приземлился на военном аэродроме во Владивостоке.

– Там вместе с группой таких же молодых моряков из Херсонского морского училища, – вспоминает Владимир, – нас всех размещают на теплоходе, и вот уже мы плывём по мо-

рям, по волнам. Куда, зачем – прояснилось, когда пришвартовались в порту Камрань, во Вьетнаме. Здесь была наша военно-морская база. Херсонских парней, в большинстве своём судовых механиков, оставили на базе, остальные поплыли дальше.

По прибытии к месту назначения морякам объявили: мы в Гвинее, порт Конакри. И поставили задачу: обучать тамошних моряков, служивших на торпедных катерах и верных президенту Ахмеду Секу Туре, военному и морскому искусству, корабельной радиосвязи. Командировка продлилась два года.

По возвращении в Таллин, Васильев хотел продолжить обучение в мореходном училище, но командование посчитало, что эти моряки уже вполне себе опытные специалисты, а флоту очень нужны были мичманы.

Так Владимир Васильев попал на военный морской тральщик техником боевой части службы связи.

За долгие годы в каких только странах не пришлось ему побывать? Остров Тенерифе, Канарские острова. Порт Бильбао, Испания. Порты Англии, Северной Ирландии. Всё западное побережье Африки до самой южной точки. В то время это была зона ответственности кораблей Балтийского флота.

Конечно, после многих дней, проведённых на корабле, любой моряк испытывает естественное желание сойти на берег, почувствовать твёрдую почву под ногами. Без шалостей, конечно, не обходилось, но матросы старались вести себя достойно, не роняли честь своей страны.

– В Тенерифе, – вспоминает Васильев, – когда сошли на берег, в советском посольстве нам выдали белые лёгкие рубашки с коротким рукавом, чёрные брюки. Выглядели мы подобающе. Гуляем по городку, и первое, что сделали – зашли в магазин, купили местного вина, командиры разрешили приобрести по бутылке на двоих. Хотя и на корабле во время похода вино полагается, правда, офицерам и мичманам, а рядовые матросы-срочники ограничиваются соком. Попробовали этого африканского вина, и кроме: «Фу, какая гадость!» – ничего другого сказать не могли: типичная бормотуха, как называли такие напитки у нас.

Вспомнил мичман Васильев, как однажды наш военный тральщик, на котором он служил, встречали в одном из портов Северной Ирландии.

– Пришвартовались мы, как и положено, смотрим, а нас на причале встречают два бронетранспортёра. То ли напугать хотели, то ли решили, что сейчас на их ирландский берег высадится русский морской десант. А в порту на всех перекрёстках стояли полисмены и раз за разом делали тщательный досмотр всех наших моряков.

За четверть века много чего происходило в судьбе старшего мичмана Васильева. Походы, учения, учебные и боевые стрельбы, штормы на море, колючие ветра, качки... В штормы девятибальные попадать не доводилось, это всё-таки океанская стихия, а вот в семибальных морских штормах бывал. Качает и болтает так, что не каждый из бывалых моряков выдерживает. Человека выворачивает наизнанку, кто-то начинает паниковать, а некоторые и вовсе подаются потом рапорт на увольнение.

Васильев рапортов не подавал, выдерживал любые нагрузки и волнение моря. Слабакам на боевом корабле не место. Здесь нужно быть крепким, вахту стоять и днём, и ночью, выполнять свою работу в любую погоду. Главная задача мичмана Васильева заключалась в том, чтобы обучать

экипажи и корабельные службы – артиллеристов, механиков, химиков и других – навыкам владения приборами и элементами связи, которые необходимы в любых случаях для слаженной работы и взаимодействия команд. Чтобы все, кому положено, могли быстро и грамотно составить те же шифровальные карты, без которых боевому кораблю не обойтись.

В 1995 году, спустя четверть века морской службы, старший мичман Васильев решил, наконец, бросить якорь, обосноваться на суше. К тому времени он успел закончить Калининградское военно-морское училище по специальности радиосвязь, а их военно-морская база после развала Советского Союза перебазировалась из Таллина в Кронштадт. Несколько лет Васильев преподавал в одном из учебных заведений Санкт-Петербурга, готовил курсантов, будущих корабельных связистов, затем перевёлся в Москву, работал в главном штабе ВМФ. Какое-то время обеспечивал связь в знаменитой гостинице «Россия», до того момента пока её не снесли. А потом пришло время полностью оставить профессию.

Вскоре выяснилось, признаётся он, не так-то просто «привыкнуть» к жизни в чисто гражданском, нерабочем статусе. Чем заняться, куда себя деть? – эти вопросы для боевого моряка оказались совсем не проходными. Поддержала жена: «Что ты, Володя! С твоим-то опытом и способностями – и мы себе место под солнцем не найдём?!»

Подумали, посоветовались с дочерью, она окончила факультет туризма в одном из вузов, успела поработать по профессии, побывала в ряде стран. Так и возникла идея открыть семейное туристическое агентство: директор, разумеется, он, Владимир Васильев, жена – бухгалтер и финансист, а главный специалист и организатор туров – дочь Татьяна. И вот уже без малого 20 лет семейное дело Васильевых ведёт их по волнам нашей жизни. Не без качки и разного рода волнений, так же, как бывает на море.

О доме родительском и родном своём доме в Нижней Калиновке, Владимир Викторович рассказывает с особой теплотой.

– А как тут забудешь? Родное гнездо, здесь всё начиналось, – вспоминает он. – Была когда-то в деревне конюшня, кузница, колхозный ток, мы, ещё пацанами, на нём работали. А после в речке купались, в нашей Оптухе. Я очень воду любил, с малых лет. Мама мне наказывала: «Ходишь на речку – плавать учишься. Хорошо учишься, чтоб вода тебя не пугала. Даже если в глубоком месте окажешься – не бойся, не паникуй. Тогда тебя никакое море не страшно». Видно заранее знала, что жизнь моя сбудет связана с морем».

А какие у нас места?! Речка, лес, тишина до звона в ушах. Соловьи весной – до утра заливаются, не уснуть.

– Однажды, – вспоминает Владимир, – собираясь в отпуск, я пригласил поехать со мной замполита нашего корабля. Мама картошки нажарила, свежие овощи, шашлык из баранины. И тишина такая вокруг, берег Оптухи, красота...

Замполит мне потом высказывал: «Владимир Викторович, да вы счастливый человек! Тут же – настоящий рай, теперь мне понятно, почему вы свою Калиновку всякий раз предпочитаете санаторию! Это же лучшее лекарство и для души, и для сердца».

Что тут добавишь? Что правда, то правда.

Михаил КОНЬШИН
Фото Сергея Мокроусова

Валерий АНИШКИН

Несколько лет Валерий Георгиевич посвятил изучению истории и философии. В результате были написаны и изданы книги «Великие мыслители», «Русь и её самодержцы» (2007, 2009), а в 2010 г. вышла из печати книга «Быт и нравы царской России». В этой книге представлена тема нравственного состояния русского общества, что особенно актуально в наше время, когда в стране отмечается падение нравственности. «За большую работу по популяризации отечественной истории среди школьников Орловской области» автор был награждён грамотой Департамента образования Орловской области. В 2012 г. издана книга «Потерявшиеся в России». Книга о любви и об интеллигенции, вынужденной с трудом выживать в бурные, противоречивые и смутные времена перестройки.

Несколько книг были изданы в электронном варианте в Германии в изд. GERMANY, GMB&Co.KG. Член Союза российских писателей.

БЫТ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (Миф и правда)

У В. Солоухина в статье «Творец или зритель» («Слово живое и мёртвое») есть очень интересная мысль, которую я не могу не прокомментировать:

«Мы знаем, что материальное состояние крестьянской России в XVII, XVIII, XIX веках было весьма незавидным. Это положение не требует доказательства. Откуда же, спрашивается, возникали замечательные песни, то полные печали, то полные удачи? Откуда возникли замечательные народные танцы, которыми до сих пор питаются наши крупнейшие хореографические ансамбли...»

Не выводя закономерности, могу сказать больше: очень часто с достатком, а пуще того – с богатством, истинная народная красота в быту подменялась псевдокрасотой, принимала смешные, аляповатые, а то и уродливые формы, ибо материальные возможности не подкреплялись подчас необходимым вкусом и чувством меры.

Я вовсе не хочу тем самым сказать, что богатство духовной жизни свойственно бедности, но всё же и не ставил бы её в прямую зависимость от куска насущного хлеба. Не хлебом единым... Эта древняя мудрость не тускнеет от времени».

О том, что материальное состояние крестьян в названные века было незавидным, опровергается многими фактами.

Весьма распространено мнение, что простой народ в России всегда жил тяжело, постоянно голодал, и терпел всяческие притеснения от бояр и помещиков. Власть послереволюционной России выгодно, более того, необходимо было умалять и преуменьшать все положительные стороны жизни до февральского переворота 1917 года.

Факты же говорят об обратном. Обратимся к запискам, которые оставил Юрий Крижанич, хорватский богослов и философ, в 1659 году прибывший в Россию. В 1661 он был отправлен в ссылку в Тобольск – его воззрения на единую, независимую от земных споров церковь Христову были неприемлемы как для защитников православия, так и для католиков. В ссылке он провел 16 лет, где написал трактат «Разговоры о владетьстве», также известный как «Политика», в котором тщательно проанализировал экономическое и политическое положение России.

Крижанич свидетельствует, что люди даже низшего социального подбивают соболями целые шапки и целые шубы...

а что можно выдумать нелепее того, что даже чёрные люди и крестьяне носят рубахи, шитые золотом и жемчугом?..

Шапки, однорядки и воротники украшают нашивками и твезами, шариками, завязками, шнурами из жемчуга, золота и шёлка...

Следовало бы запретить простым людям употреблять шёлк, золотую пряжу и дорогие алые ткани, чтобы боярское сословие отличалось от простых людей, – сетует Крижанич. – Ибо никуда не гоже, чтобы ничтожный писец ходил в одинаковом платье со знатным боярином... Такого безобразия нет нигде в Европе. Наигоршие чёрные люди носят шёлковые платья. Их жён не отличить от первейших боярынь.

Хлеб, действительно, на Руси сельские и прочие простые люди едят намного лучший и больше, нежели в Литве, в Польской да Шведской землях. Рыба также добывается в изобилии...»

«Так как пернатой дичи у них имеется громадное количество, то её не считают такой редкостью и не ценят так, как у нас: глухарей, тетеревов и рябчиков разных пород, диких гусей и уток можно получать у крестьян за небольшую сумму денег».

Но это всё относится к периоду до 18 века, до Московского царства.

Посмотрим, что было в период Российской империи. Интересны записки Шарля-Жильбера Ромма, активного участника Великой французской революции. С 1779 по 1786 год он жил в России, в Санкт-Петербурге, где работал учителем и воспитателем графа Павла Александровича Строганова. Совершил три путешествия по России. Вот что он писал в 1781 году в своём письме Г. Дюбрёлю: (к сожалению, он не уточняет, о крестьянах какой именно области идёт речь).

«Крестьянин считается рабом, поскольку господин может его продать, обменять по своему усмотрению, но в целом их рабство предпочтительнее той свободы, коей пользуются наши земледельцы. Здесь каждый имеет земли больше, чем может обработать. Русский крестьянин, далёкий от городской жизни, трудолюбив, весьма смекалист, гостеприимен, человечен и, как правило, живёт в достатке. Когда он завершит заготовку на зиму всего необходимого для себя и своей скотины, он предаётся отдыху в избе (изва)...»

Малочисленное население области во многом является причиной изобилия всего, что необходимо для жизни. Продовольствие стоит так дешево, что, получая два луидора, крестьянин живёт весьма зажиточно».

Обратим внимание, что о том, что русское «рабство» крестьян более предпочтительно, чем «свобода» французских, пишет не кто-нибудь, а будущий активный участник Великой Французской революции, прошедшей под лозунгом «Свобода, равенство и братство». То есть у нас нет причин подозревать его в необъективности и пропаганде крепостного права...

А.С. Пушкин, обладавший глубоким умом и хорошо знавший русскую деревню, отмечал: «Фонвизин в конце XVIII века путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина оказалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Верю... Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен (кроме как в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев)... Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак бедности».

Положение русского крепостного крестьянства было лучше не только французского, но и ирландского. Вот что писал в 1824 году английский капитан Джон Кокрейн. «Безо всяких колебаний... говорю я, что положение здешнего крестьянства куда лучше состояния этого класса в Ирландии. В России изобилие продуктов, они хороши и дешёвы, а в Ирландии их недостаток, они скверны и дороги, и лучшая их часть вывозится из второй страны, между тем как местные препятствия в первой приводят к тому, что они не стоят такого расхода. Здесь в каждой деревне можно найти хорошие, удобные бревенчатые дома, огромные стада разбросаны по необъятным пастбищам, и целый лес дров можно приобрести за гроши.

А вот что писал русский путешественник и учёный Владимир Арсеньев про жилище крестьянина в своей книге «По Уссурийскому краю», в основу которой легли события его экспедиции по уссурийской тайге в 1906 году:

«Внутри избы были две комнаты. В одной из них находились большая русская печь и около нее разные полки с посудой, закрытые занавесками, и начищенный медный рукомойник. Вдоль стен стояли две длинные скамьи; в углу деревянный стол, покрытый белой скатертью, а над столом божница со старинными образами, изображающими святых с большими головами, тёмными лицами и тонкими длинными руками.

Другая комната была просторнее. Тут у стены стояла большая кровать, завешенная ситцевым пологом. Под окнами опять тянулись скамьи. В углу, так же как и в первой комнате, стоял стол, покрытый самодельной скатертью. В простенке между окнами висели часы, а рядом с ними полка с большими старинными книгами в кожаных переплётах. В другом углу стояла ручная машина Зингера, около дверей на гвозде висела малокалиберная винтовка Маузера и бинокль Цейса. Во всём доме полы были чисто вымыты, потолки хорошо выструганы, стены как следует проконопачены».

Возьмём 1915 год. Вот история лишь одного рабочего Владимира Максимовича «с квалификацией» на хрустальном заводе братьев Краевских. И, судя по дошедшим до наших дней

воспоминаниям, не просто содержал семью из шести едоков, но и сумел дать образование старшим детям.

Считайте сами: среднемесячная зарплата квалифицированного рабочего при 6-дневной рабочей неделе составляла 22 рубля. Заводская смена длилась 9-10 часов, а в некоторых случаях и 12-14 часов. (Я предлагаю вспомнить те времена, когда на заводах Европы работали малые дети, когда вся жизнь бедняка сводилась к тяжёлому труду без выходных, отпусков и больничных. В 1840-х годах рабочие французских и английских фабрик работали по 14-15 часов, из которых на отдых выделялось по полчаса три раза за смену. Распространённой становилась работа по воскресным дням. Рекорд продолжительности побил 20-часовой рабочий день на рубеже XVIII–XIX веков. Рабочие ели и спали прямо возле станков. При этом мастера работали столько же, сколько и наёмные работники. Однако средневековые крестьяне в России работали летом около девяти часов в день, зимой – намного меньше. При этом церковь запрещала работать в праздники, который выходило несколько десятков в год, не считая воскресных дней.) Деньги после вычетов (на каждом промышленном предприятии существовала жёсткая система штрафов) выдавались на руки каждую неделю.

Рацион питания семьи не был скудным, но, в основном, состоял из простых и доступных по ценам продуктов – картошки, каш, пирогов и блинов. Мясо и спиртное для взрослых подавалось к столу по воскресеньям и праздничным дням. Чай из-за дороговизны покупали редко, чаще заваривались травы.

Из всего вышеперечисленного видно, что, по свидетельству самих иностранцев, которые могли сравнивать быт простого народа как в России, так и в своих странах, и которым нет надобности приукрашивать российскую действительность, во время допетровской Руси, и во время Российской империи простой народ жил в целом не беднее, а зачастую и богаче, чем другие народы Европы.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что если человек не был пьяницей, который пропивает всё до последней рубахи, то жил он ничуть не хуже, чем при советской власти. Но при любой власти лентяй и пьяница – пример не показательный. Однако советская власть работающих и предприимчивых не любила и место им отводила в ГУЛАГах.

Литература:

1. «Россия — это сама жизнь. Заметки иностранцев о России с XIV по XX век»
Издательство Сретенского монастыря, 2004.
2. А. Горянин. Мифы о России и дух нации, М., РЕНТАГРАФИС, 2002
3. В. Мединский. О русском пьянстве, лени и жестокости. М. Олма, 2008
4. А.В. Чудинов. О путешествии Жильбера Ромма в «Сибирь», 1781 г.: гипотезы и факты
5. Ричард Пайпс. Россия при старом режиме.
6. В.К. Арсеньев. По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. М., Правда, 1983.
7. А. Лушников и М. Лушникова. «Курс трудового права» М.: Статут, 2009.

95 лет назад ушла из жизни замечательная женщина, чьё имя тесно связано с Орловищиной. Мы продолжаем публикацию отрывков из рукописи-воспоминаний княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, удивительным образом дошедших до наших дней. Эту историю, нюансы той жизни надо знать...

*Певческий дебют. 1887, 26 апреля. Париж. 1880-е годы
Источник: Смоленский вестник*

Княгиня М.К. Тенишева

ВПЕЧАТЛЕНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

(Продолжение. Начало в №40)

XIV

**Петербург. Музыкальные вечера. Ауэр. Чайковский.
Менцер. Якобсон. Путиловский завод**

Одним из самых крупных удовольствий, которыми я пользовалась в Петербурге, были наши музыкальные вечера. Я никогда не любила концертов. Душная зала, скучные шеренги ненавистных мне венских стульев, где приходилось иногда сидеть в неимоверной тесноте, часто рядом с невеждами и неприятными людьми, мешающими вам слушать, да ещё какое-нибудь самое варварское, неусовершенствованное освещение на эстраде, ковыряющее глаза, – всё это действовало на меня раздражающе. Но сидя дома, в любимом кресле, закрыв глаза, слушать квартет Чайковского или трио Аренского с его участием и чудным исполнением – было огромным, незаменимым наслаждением.

Я тоже часто принимала участие в этих вечерах и пела, а муж играл на виолончели.

Обыкновенно за границей музыкальные вечера делаются из тщеславия, и даже в небольшие квартиры приглашается по этому случаю масса народу. Французы считают удавшимся такой приём, где гости не только сидят, но теснятся на

лестнице и едва могут переступить два шага. Я бы никогда не могла устраивать таких вечеров, и муж, к счастью, был одного мнения со мной. Мы приглашали только немногих людей, действительно любящих и понимающих музыку, желающих насладиться ею в тиши и уединении.

На наших вечерах участвовали Брандуков, Гофман, Скрябин, Менцер, Вержбилович, Ауэр, Аренский, с которого я как-то раз написала портрет, скрипач Марто.

После музыки мы обыкновенно весело, дружно ужинали. Раз за ужином возле меня сидел скрипач Хилле, принимавший участие в квартете. Я очень угощала его и предложила рюмку мадеры, но он всё отказывался. С другой стороны сидел Вержбилович, наоборот, добросовестно прикладываясь ко всем бутылкам. Думая, что Хилле церемонится, я попросила Вержбиловича уговорить его, как вдруг слышу, Хилле, таинственно нагибаясь к Вержбиловичу, говорит ему вполголоса: «Я мало не могу...» Тогда я сделала вид, что больше им не занимаюсь, и велела Андрею подливать Хилле как можно больше.

Ауэр, который был постоянным участником в трио и квартетах, всегда страшно восхищался моим голосом, я же неизменно отвечала на его восторженные комплименты почти вызывающей насмешкой. Это однажды заинтриговало мужа, почему я именно от него так странно принимаю похвалу. Я рассказала тогда одну мою встречу с Ауэром, которая припомнилась мне, когда я увидела его таким любезным со мною.

По окончании моих занятий у Маркези, я однажды приехала в Петербург, где у меня был знакомый дом некоего сенатора Ковиара, очень милого старика, страстно любящего музыку, у которого часто бывали музыкальные вечера. Он просил меня петь у него на одном из таких вечеров. Он сказал мне, что хочет познакомить меня с Ауэром, говоря, что тот, конечно, оценит моё пение и будет в восторге от моего голоса.

Вечером, когда я пела в гостиной, до меня всё время в открытую дверь доносились из соседней комнаты громкие разговоры, восклицания, щёлканье картами по столу, смех, что, конечно, меня раздражало. Оказалось, что это был Ауэр со своими партнёрами. Только в конце вечера удалось оторвать его от карточного стола и представить мне. Он скользнул по мне глазами и не сказал ни слова о моём пении. В то время я была только Николаева, молодая женщина без артистического имени, и как бы хорошо я ни пела, это для Ауэра было неинтересно. Прошло много лет, я сделалась княгиней Тенишевой, платившей ему за каждый вечер у неё на дому по триста рублей, – несомненно, что после этого и пение моё выиграло в его глазах, и было за что похвалить хозяйку... А мне каждый раз хотелось засмеяться ему в глаза и пропеть: «Онегин, я тогда моложе и лучше, кажется, была...» Ауэр в княгине Тенишевой не узнал госпожу Николаеву.

Любимейшими романсами в моём репертуаре были глубоко трогающие душу романсы Чайковского, которые, по мнению всех, слышавших меня, я исполняла особенно хорошо. Из его романсов многие сделались очень известными и исполняются почти всегда, я же исполняла из его огромного репертуара массу таких, которых никогда и нигде не приходится слышать. Для меня это было настоящим наслаждением.

ем. Я переживала их так сильно и так глубоко чувствовала их красоту, что нередко после пения долго не могла успокоиться.

Мой муж давно уже был знаком с Чайковским, но так как последний бывал в Петербурге только наездами, то виделись они редко. В эту же зиму шли репетиции его последней оперы «Иоланта», и он приехал присутствовать на них. Мне страшно хотелось попасть на первое представление этой оперы, но мужу, несмотря на все хлопоты, не удавалось получить хорошей ложи. Однако я так приставала к нему, что он написал Чайковскому, прося его оставить нам ложу, а также позавтракать у нас, назначивши день самому. Чайковский очень любезно ответил мужу, назначил день и прислал ложу.

Мне очень хотелось познакомиться с нашим знаменитым композитором и пропеть ему некоторые вещи, которыми я так дорожила, а потому я приготовила к этому дню аккомпаниатора и с трепетом ждала этой минуты. После завтрака, за которым Чайковский был весел и много рассказывал интересного, мы перешли в залу и занялись музыкой.

Я очень волновалась, что буду петь перед ним, но его милое, симпатичное отношение ко мне скоро ободрило меня. Когда я спела два романса, он вскочил, отстранил аккомпаниатора, сам сел к роялю, сказав, что он в восторге, так как никогда не слышал этих романсов в чьем-либо исполнении. Когда он стал мне аккомпанировать, его чудное туше, его манера исполнения загли меня так, что я пела без конца. Часы летели незаметно, мы повторяли некоторые вещи по два, по три раза. Начав наше музыкальное утро в два часа, мы опомнились в седьмом.

Чайковский взглянул на часы и с ужасом вскрикнул. Ему надо было быть на репетиции в четыре. Прощаясь, он поцеловал мне руку, горячо благодарил за доставленное ему удовольствие, наговорил мне очень много любезного и лестного для меня как исполнительницы и обещал приехать на один день попозировать для карандашного портрета. И действительно, через несколько дней он провёл часа два в моей мастерской.

После «Иоланты» Чайковский уехал за границу, а осенью я была страшно поражена известием о его смерти [П.И. Чайковский умер в Петербурге 25 октября (6 ноября) 1893 г.] и искренними слезами оплакала этого гениального композитора и симпатичного человека.

В год смерти Чайковского в доме Сергея Павловича Державина был музыкальный вечер. Он попросил меня доставить удовольствие его матери, никогда меня не слышавшей, и спеть у него на этом вечере. Когда я пела в их огромной зале, где было человек пятьдесят слушателей, вдруг отворилась дверь и вошла какая-то дама. Когда я кончила, она бросилась мне на шею и, обнявши меня, со слезами сказала, что рада познакомиться, что давно искала этого случая, чтобы передать мне восторженные отзывы о моём пении Чайковского, с которым, незадолго до его смерти, виделась за границей.

Это была Софи Менгер, знаменитая пианистка. Меня до глубины души тронули переданные ею слова Чайковского. Память о нём была ещё так болезненна и свежа в моей душе... Она была такой же ревностной почитательницей Чайковского, как и я. Мы обе прослезились и крепко пожали друг другу руку.

Чайковский мог сказать мне лично так много приятного как воспитанный, деликатный человек, и притом хозяйке, любезно его принимавшей, наконец, как женщине, но если он много месяцев спустя хвалил меня за глаза, и такой большой артистке, как Менгер, я поняла тогда, что он оценил моё

исполнение. Воспоминание о Чайковском сразу же нас сблизило с Менгер. Мы стали друзьями, и она однажды провела у меня лето в Талашкине.

* * *

Среди многих людей жило убеждение, что я приношу счастье тем, кто имеет со мной дело. Подобный случай произошёл с Путиловским заводом. Как-то раз мы с мужем получили приглашение посетить этот завод. К пристани на Неве нам прислали пароход, доставивший нас на завод, а там встретили нас директора и заведующие и показали всё. На меня Путиловский завод произвёл сильное впечатление, но всё было, видимо, в упадке – и огромные, железные, очень ценные строения, соединённые между собой целой сетью железнодорожных ветвей, и прекрасная гавань. Казалось, завод находился накануне своей смерти. Больно было видеть это дело, в которое было вложено столько гигантских усилий и труда, в таком запустении.

За завтраком, под впечатлением всего виденного, я подняла бокал и, поблагодарив от души за радушный приём, выразила искреннее пожелание видеть снова это дело процветающим. На завтраке присутствовал один крупный биржевой деятель, Гольденберг, а также Голубев, Петровский и другие. Все сочувственно встретили моё пожелание, а муж сказал: «Ну, в память нашего посещения я беру на себя столько-то акций». Гольденберг и Петровский выразили то же намерение.

В скором времени мне пришлось услышать, что Путиловский завод возрождается, идёт в гору, акции его на бирже котироваются и поднимаются. Дело стало в прежнее положение, и ровно через год те же директора, в том же составе и с теми же гостями, снова пригласили нас с мужем. За завтраком, вспомнив моё тогдашнее пожелание, устроили мне овацию: встретили с музыкой, цветами, были тосты, прочувствованные слова, – точно я действительно сделала для них что-нибудь. По-видимому, все были довольны результатами протекшего года, муж, Петровский, Голубев получили львиную долю, а Гольденберг, который в скором времени умер, в память этого оставил мне по духовному завещанию пять тысяч рублей на мои «добрые дела». Я постаралась употребить их с пользой, и они пошли на устройство в Смоленске пожарной паровой машины.

XV

Коллекция акварелей. Бенуа. Общество поощрения художеств. Музей Александра III. Портреты Серова и Соколова

Моя акварельная коллекция из года в год росла и богатела, и пользоваться ею становилось все затруднительней. Часть акварелей была развешана по стенам, но нельзя же было увешать ими все стены, к тому же акварель боится света, поэтому для хранения всей этой массы я заказала специальные шкафы с выдвигаемыми полками, страшно загромождавшие комнаты. Я видела, что больше уже приобретать акварелей некуда, коллекция моя очень богата и полна, и потому стала понемногу прекращать покупки. Да и муж не на шутку стал ворчать на мои траты, не понимая моей цели. С каждым разом денежный вопрос становился всё острее. Как человек практичный, князь прямо говорил мне, что всю эту «дрянь», собираемую мной, я никогда и никуда не суну, и если я думаю, что это капитализация, то я очень сильно ошибаюсь, потому что меня заставляют платить дорого, а покупателей я никогда не найду. Меня эти слова задевали за живое, под-

стрекали меня, и мне захотелось доказать мужу, что куда поместить – я, конечно, найду...

Чтобы можно было определить куда-нибудь мою коллекцию, нужно было, чтобы общество и сильные мира сего её увидели и оценили, а для этого нужно было её где-нибудь показать. Я решила устроить выставку в Обществе поощрения художеств на свой счёт, входную же плату пожертвовать Обществу, а сбор с каталогов – Дамскому кружку [Выставка открылась в Петербурге в начале 1897 г.]. Таким образом моя выставка не носила характера коммерческого предприятия с целью личной выгоды. Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, всегда любезно относившаяся ко мне, взяла выставку под свое покровительство.

Я в это время была в Париже, но мне писали, что выставка очень удалась, посетителей было ровно столько, сколько могли вместить залы Поощрения художеств, и следовательно, была оценена насколько возможно, и оставила по себе хорошее впечатление.

В то время делались большие приготовления во дворце великой княгини Екатерины Михайловны. Шла перестройка его в музей в память императора Александра III. Однажды в разговоре с кем-то я высказала мысль, что не прочь пожертвовать туда мою коллекцию. Слова мои были переданы в комитет по устройству музея. Ко мне приехал для переговоров высочайший хранитель будущего музея, великий князь Георгий Михайлович, и я изложила ему свою просьбу передать его величеству, что вся моя коллекция к услугам музея.

Когда мы приступили к разборке акварелей с Бенуа, мне приходилось почти с бою отстаивать вещи тех художников, которых он как людей не любил. Меня всегда поражала в отношении русских мастеров односторонность Бенуа. В своём пристрастии он доходил до того, что свою личную антипатию к ним переносил и на их произведения. Мне это было непонятно. Никогда в жизни я не позволила себе смешивать творения человека и его личность. Думаю, что гораздо лучше забыть о человеке и видеть только художника, видеть то, что даёт его дарование. Но Бенуа смотрел иначе, и мы не раз вступали с ним в пререкания по поводу той или иной акварели, которую он называл «дрянью, гадостью», и с чем я не могла согласиться.

Во время работ и отделки моих комнат в музее великий князь Георгий Михайлович выразил желание иметь в пожертвованной коллекции мой портрет и указал на художника Соколова. В продолжение месяца я позировала Соколову для поясного портрета акварелью, и, когда он был готов, великий князь сам увёз его, чтобы повесить в музее в моих комнатах. Отделка их (на мой счёт) шла удачно, и ко дню открытия всё было на месте.

Накануне открытия музей посетил Государь в сопровождении всего музейного персонала с великим князем Георгием Михайловичем во главе. Из посторонних была я одна как жертвовательница крупного отдела. Его величество милостиво благодарил меня, и я сопровождала его вокруг всего музея. В моём отделе он долго и подробно осматривал каждую акварель, выслушивал мои объяснения и, видимо, остался доволен.

На другой день состоялось открытие [Русский музей императора Александра III был открыт 7 марта 1898 г.]. Приехали государыня императрица Мария Фёдоровна с огромной свитой и другие высочайшие особы. Я имела счастье принимать в своих комнатах высоких гостей и удостоиться благодарности также и её величества.

Таким образом завершилось это дело, и я была счастлива доказать мужу, что не я, а он ошибался, думая, что мне мою коллекцию никуда не удастся пристроить.

XVI

Покупка Флёнова. Школа. Учителя. Ученики. Программа занятий. Цель школы

Как только мы решили окончательно сделать из Талашкина наш постоянный летний приют, я приступила к осуществлению своей давнишней, заветной мечты, силой обстоятельств положенной на долгие годы под спуд, – проекту сельскохозяйственной школы. Мы давно уже мечтали об этом с Кити, ещё когда я гостила у неё впервые в Талашкине, и потому, конечно, моим ближайшим помощником в этом деле была она.

В Талашкине устроить школу было трудно. Как мы ни прикидывали, а два хозяйства в одном не совмещались. В версте же от Талашкина, как раз против дома, проходила граница наших владений, и с трёх сторон врезалось в нашу землю небольшое имение одного мелкого помещика (Красноленского) Флёново. Я давно подумывала приобрести его для устройства в нём сельскохозяйственной школы, но при жизни владельца это никак не удавалось. Ему, видимо, было жаль расстаться с имением, и, когда речь заходила о продаже, страшно дорожился.

Наконец Красноленский умер. После него, кроме законной жены и уже немолодой, замужней дочери, остались ещё две семьи. Все эти три семьи жили во Флёнове и яростно, с пеной у рта, делили ризы после умершего. У одних в руках осталась шуба, у других – какой-то вексель, у третьих – ружьё и золотые часы, и по этому поводу происходили крупные скандалы, какие только порождает борьба за имущество в среде грубых, некультурных людей. Впрочем, кажется, и в более культурных слоях в вопросах дележа и наследства люди легко звереют, лишь только дело коснётся денег – от них немедленно отскакивают привитые воспитанием принципы порядочности и чувства приличия... Неудивительно, что и во Флёнове при разделе стали происходить самые невероятные скандалы. В результате ко мне приехала вдова, «Красноленчиха», как её называли в округе, со своей уже немолодой, в высшей степени развязной дочерью и предложила мне купить Флёново.

Переговоры наши длились без конца. Мне они так надоели, что я поставила условием иметь дело только с кем-нибудь одним и уехала в Петербург, оставив нашему управляющему доверенность на совершение купчей. Измучив совершенно бедного управляющего, отняв у него массу времени, месяцев через пять эти матроны решились наконец закончить дело, и Флёново было мной приобретено.

Кроме высокой горы возле усадьбы, на которой росли огромные сосны, ели и липы, да широкого, чисто русского вида с горы, в имении не было решительно ничего – покряканный дом, несколько сгнивших построек годны были только на слом. Но зато вид с горы был действительно редким по красоте. По огромному необъятному пространству, по мягким склонам холмов ютились деревушки, среди самых разнообразных и разноцветных полей, разбросанных, как ковёр, горящий на солнце прихотливыми пятнами во всех направлениях. Кое-где выделялись между ними небольшие перелески, а на горизонте тянулся лес едва заметной тонкой тёмно-синей полосой. Даль необъятная, теряющаяся в сине-

ватой дымке, простор и покой... Только где-то, далеко в долине, изредка пробегали поезда, расстилая за собою длинную белую гряду клубящегося дыма и далёким протяжным свистком нарушая тишину точно застывшего в безмолвии края...

Кое-как поправивши дом Красноленского, прежде чем основать школу, я за год до неё устроила во Флёнове летние курсы плодоводства, садоводства и огородничества для сельских учителей под руководством профессора Регеля. В скором времени во Флёнове, вместо покосившихся и ветхих построек, выросло хорошее школьное здание с просторными классами, богатой учительской и ученической библиотекой и разными учебными пособиями. Рядом со школой я построила общежитие на двадцать человек, с комнатой для дядьки, удобной столовой и светлой кухней, чтобы ученики могли, по очереди дежуря в ней, сами следить за доброкачеством провизии. На одной линии с общежитием расположилось длинное здание, состоящее из четырёх квартир, для управляющего школой, преподавателей и сторожа, прилегающее одной стороной к старому липовому саду, по склону которого была расположена пасека, наблюдательный павильон со стеклянным учебным ульем, весами для наблюдения ежедневного взятка и картограммами. Сад, огород и фруктовый питомник были разбиты уже при Регеле. Заведующим школой я пригласила Панкова, одного из учителей, прослувавших у меня курс Регеля, а кроме него ещё агронома Андрея Ивановича Завьялова, окончившего Петровскую академию, для преподавания по сельскому хозяйству.

Наконец школа была готова, и я назначила день для приёма учеников. Уже спозаранку во Флёново собралась целая толпа баб и мужиков, таща за собой вереницы ребятишек всех возрастов, девочек и мальчиков. Вдоль заборов расположились телеги с семьями в ожидании молебствия. Пришли бабы с пятью-шестью сиротами, прося меня взять их, как они говорили: «совсем, навеки». Да, времена уже были не те – не только не приходилось уговаривать родителей отдавать детей в школу, но, напротив, не хватало вакансий, чтобы принять всех желающих. На второй год я ввела в школе игру на балалайке и пригласила В.А. Лидина, который приехал ко мне летом и обучил целый оркестр настолько хорошо, что когда осенью того же года приехал ко мне погостить известный основатель и руководитель балалаечного оркестра В.В. Андреев [*Известный основатель и руководитель балалаечного оркестра.*], тот был удивлён результатами и предложил устроить благотворительный концерт в Смоленске под его управлением, который и состоялся в зале Городской думы и прошёл с большим успехом [*Концерт состоялся 13 июня 1899 г.*].

Для столярного дела я взяла из Петербурга хорошего мастера, отлично делавшего инструменты. Впоследствии и все наши балалайки делались под его руководством в школе самими учениками.

Также реформирована была и моя маленькая школа для девочек, которой до этого управляла Елизавета Ивановна Барщевская, дельная, серьёзная и очень любящая своё дело молодая девушка, занявшаяся с большим рвением образованием и воспитанием крестьянских девочек. К сожалению, Барщевская очень недолго у меня служила, так как скоро вышла замуж, но и за это короткое время она оставила неизгладимый след в сердцах своих воспитанниц. Принесённая ею польза была очевидна: все её ученицы отличались чистоплотностью и большой добросовестностью.

Приобщив девочек к сельскохозяйственному образова-

нию, я построила для них отдельное большое помещение. На занятия и в столовую они ходили вместе с мальчиками, а ночевали в общежитии под надзором смотрительницы, назначавшейся из жён семейных учителей, имевших здесь же квартиру.

Девочки все оказались очень способными и дельными. Начинать они учиться сельскому хозяйству очень робко, с сомнением. Когда им сказали, что они будут учить химию, то они расплакались, это слово показалось им страшным, а по окончании все вышли прекрасными работницами, и в «смутные годы» ни одна из них не причинила мне ни малейшей неприятности.

В устройстве Флёнова меня больше всего стесняло то, что муж почему-то сделался скуп, сильно урезывая меня в средствах каждый раз, что я у него просила денег. Пришлось изощряться, прибегая к самым дешёвым способам постройки, делая некоторые просто глинобитными мазанками, на практике показавшими, что они, может быть, хороши на юге, но в нашем сыром климате совершенно неприменимы и непрактичны. Подобное строение едва могло служить 10-12 лет, требуя постоянного ремонта, после чего его приходилось срывать, так как все устои его подгнивали. В одной из таких мазанок пришлось поместить пчеловодный музей – собрание всевозможных типов ульев, начиная с примитивной подвесной колоды и до самых усовершенствованных заграничных образцов, одним словом всё, что касалось этой области, до мельчайших подробностей, можно было видеть собранным в этом музее. В другой такой же мазанке помещалась столярная мастерская, где делались балалайки. Я с ненавистью глядела на мои «мусорные дома», как я их называла. Они раздражали меня, побуждая всегда на новые объяснения с мужем, которые ни к чему не приводили, а лишь обостряли наши отношения.

Я не раз искала случая заинтересовать мужа своей школой, завоевать его симпатию к ней. Много раз приходилось мне с ним по этому поводу спорить. Муж продолжал относиться несочувственно, и это было обидно. Такое отношение было особенно странно с его стороны, так как он сам затеял огромную и очень дорогую постройку – училище в Петербурге. Купив для этой цели на Моховой очень дорогой участок земли, он сыпал в это дело не десятки, а сотни тысяч и, преследуя исключительно своё желание скорее видеть его законченным, глядел сквозь пальцы на то, что вокруг этого дела многие сильно нагрели себе руки.

Как-то совестно было жить в нашем культурном Талашкине в убранстве и довольстве и равнодушно терпеть кругом себя грязь и невежество и непроглядную темноту. Меня постоянно мучило нравственное убожество наших крестьян и грубость их нравов. Я чувствовала нравственный долг сделать что-нибудь для них, и совсем уж было противно в разговорах со многими из богатых помещиков нашего края слушать, как эти люди, часто без милосердия притеснявшие мужиков, называли их «серыми», презирали, гнушались ими и, как и заводские деятели когда-то в Бежице, видели только во всём себя и свою выгоду. Как много на Руси таких типов!... Они думают, что крестьяне не люди, а что-то вроде полуживотных... Слепые, под неприглядной корой они проглядели то, что вылилось когда-то в былины и сказки и тихую, жалобно-горестную песню о несбыточном счастье... Разыскать эту душу, отмыть то, что приросло от недостатка культуры, и на этой заглохшей, но хорошей почве можно взрастить какое угодно семя...

Продолжаем знакомство с регионами России. Наша страна великолепна, разнообразна в плане путешествий. Сегодня предлагаем заглянуть в Ростов Великий, где всегда много туристов и любителей истории.

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ: СТОИТ ПОСМОТРЕТЬ

ПЕРВОЕ ЛЕТОПИСНОЕ УПОМИНАНИЕ О РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ ДАТИРУЕТСЯ 862 ГОДОМ. В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» ГОВОРИТСЯ О НЁМ КАК О ГОРОДЕ, КОТОРЫМ ВЛАДЕЛ ЛЕГЕНДАРНЫЙ РЮРИК

Учёные выдвигают разные теории об обстоятельствах возникновения Ростова Великого, наиболее жизнеспособная из которых гласит, что существовало сразу два «города». Ростов Великий – княжеский и славянский – и Сарское городище, продолжающий оставаться племенным центром мерян. Такая практика была довольно распространённой в Древней Руси для закрепления княжеской власти на определённой территории, а также для поддержки и усиления славянской колонизации отдалённых территорий. Начиная с 920-х годов славянское население в землях мерян стало увеличиваться быстрыми темпами. Для истории уже совершенно не важно, был ли Ростов «пригородом» Сарского городища или же являлся самостоятельным городом, но по итогу именно славянское поселение возвышается над своим «соседом», который постепенно приходит в запустение и «переселяется» в центр княжеской власти.

До 1097 года княжеский престол Ростова Великого являлся «яблоком раздора» между правителями Новгородской республики и суздальскими князьями, пока Любечский съезд (1097 год) не закрепил город за Владимиром Мономахом и его наследниками. Ростово-суздальским князем становится Юрий Долгорукий, который в 1125 году переносит свою столицу в Суздаль, а его наследник – Андрей Боголюбский – во Владимир. Ростов Великий теряет своё политическое влияние и становится частью Владимиро-Суздальского княжества.

В 1207 году Ростов Великий был выделен в удельное княжество старшему сыну Всеволода Большое Гнездо – Константину. С этого момента начинается новый расцвет города как столицы довольно влиятельного и практически полностью самостоятельного государства. Ростовские князья чеканили свою монету, имели собственные органы власти и номинально подчинялись Великим Владимирским князьям (Ростовский удел стал вторым по значению после Владимирского и

всегда завещался старшему сыну или брату Великого князя). Ростов Великий вновь становится одним из самых больших городов Северо-Восточной Руси – площадь его укреплений (вместе со рвом) превышает 100 гектаров. В городе восстанавливается Успенский собор, открывается большой торг, возводятся новые храмы (более 15 до нашествия войск Батыя) и монастыри. При Григорьевском монастыре открываются школа и библиотека с богатейшим собранием книг. Это было прообразом современных университетов – в стенах монастыря, например, преподавали учёные, иконописцы и ремесленные мастера из Византии. При княжеском дворе начинает составляться «Ростовский летописец» – одна из составных частей Лаврентьевской летописи. В короткий период времени (примерно с 1230-х по 1250-е года) Ростов Великий был единственным центром летописания во всей Руси!

В период татаро-монгольского ига Ростов Великий поднимал шесть неудачных восстаний против захватчиков (1262, 1289, 1294, 1320, 1382 и 1408 года), но продолжал оставаться одним из важнейших духовных и образовательных центров Руси. Из Григорьевского монастыря выходят видные деятели эпохи: Стефан Пермский, Епифаний Премудрый и Вассиан Рыло. А в начале XIV века в семье ростовских бояр Кириллы и Марии рождается будущий Сергей Радонежский.

Поворотным событием в истории города стал перенос митрополии Ростово-Ярославской епархии Русской православной церкви в Ярославль в конце XVIII века. Это событие окончательно превращало Ростов Великий из важного политического и религиозного центра в тихий провинциальный городок в тени могущественной Москвы и не менее влиятельного Ярославля. Губернская реформа 1778 года сделала Ростов Великий уездным городом и запустила процесс его перепланировки по утверждённому Екатериной II регулярному плану.

Неизвестно сколько бы ещё Ростов Великий угасал в историческом и культурном плане, если бы не случай. В 1953 году по городу проходит смерч, причинивший огромный ущерб Ростовскому Кремлю. Со всех соборов обрушились купола, а с окрестных жилых домов и памятников архитектуры были сорваны крыши, которые вихрь разметал над озером Неро, где позднее и угас. После этого начались масштабные восстановительные и реставрационные работы в кремле под руководством В.С. Баниге, завершившиеся к 1957 году. Создание туристического маршрута «Золотое кольцо России» вдохнуло новую жизнь в город.

В 1995 году Ростовский кремль был включён в список особо ценных объектов культурного наследия России, а сам город тем не менее продолжает оставаться тихим и провинциальным, с характерной для него проблемой недофинансирования. Но шикарный отреставрированный ансамбль Ростовского кремля (в его стенах снималась культовая «новогодняя» комедия «Иван Васильевич меняет профессию»), богатое купеческое наследие и возрождение народных промыслов (финифть, майолика и чернолощенная керамика) вдохновляют в древний город новую жизнь. Количество туристов из года в год увеличивается, социально-экономическая ситуация улучшается, а сам Ростов Великий возрождается, доказывая всему миру, что именно он является той «жемчужиной» Золотого кольца России, которая не раскрывается с первого раза. Ростов Великий обладает огромной энергетикой, которая заставляет возвращаться в город вновь и вновь,

стоит лишь единожды его посетить. И каждый раз Ростову Великому удаётся удивлять новыми объектами туристической инфраструктуры, восстановленными достопримечательностями и неповторимой атмосферой купеческого уездного русского города XVIII-XIX веков!

Посмотреть здесь есть что. Лучше посетить Ростов на машине, всего-то 200 км от столицы, зато можно многое увидеть с чувством, с толком... Инфраструктура здесь улучшается с каждым годом, так что без пищи и крова не останется.

В 2025 году исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося учёного, исследователя, геолога Владимира Александровича Русанова. Его имя широко известно в мире историков Севера, полярных путешественников, геологов и гидрографов, а также среди тех, кто интересуется историей России. Однако практически ничего не известно о тех, кто разделял его взгляды на проблемы Арктики, изучение и освоение Северного морского пути, с кем он мог обсуждать, спорить, доказывать, отстаивать свою точку зрения на подходы к изучению Русского Севера. Также мало известно о тех, кто был рядом с ним и разделил его жизнь и судьбу: о россиянке Марии Булатовой и француженке Жюльетте Жан.

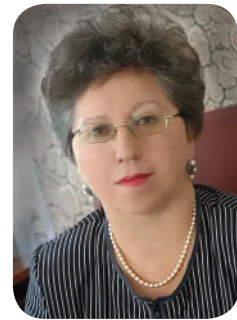
В экспозиции орловского Дома-музея В.А. Русанова посетители часто вглядываются в фотографии двух молодых женщин, его спутниц, и задают вопросы об их судьбе, обращая внимание на отсутствие указаний на даты жизни. На протяжении длительного времени автор этих строк запрашивала данные в архивах России и Франции, искала воспоминания и свидетельства, но... И всё-таки в поисках наступают счастливые минуты, когда находятся скупые свидетельства, помогающие ответить на определенные вопросы.

Изначально известно было немного. Мария Петровна Булатова в конце 90-х годов XIX века жила с родителями в Орле, в собственном доме. В Государственном архиве Орловской области документов о Марии почти не сохранилось. В журнале педагогического совета Орловской Николаевской гимназии 21 мая 1896 года записано: «Удостоить аттестата об окончании курса VII класса Булатову Марию» (ГАОО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 4. Л. 14, 38.). Её имя названо в списке учениц VIII класса. Известно, что Мария окончила гимназию с золотой медалью. Газета «Орловский вестник» от 23 мая 1896 года опубликовала список воспитанниц Орловской Николаевской женской гимназии, удостоенных золотой медали. Среди награждённых – Мария Булатова. И это всё.

Мария была участницей орловского социал-демократического кружка. Об этом писала в своих воспоминаниях активная участница революционного движения Каллиста Афанасьевна Турбина: «Мария Петровна (буд. жена Русанова) много помогала и работала среди железнодорожных рабочих... Он (Русанов) часто приезжал в Москву ко мне и своей невесте» (Там же. Ф. 580. Оп. 1001. Д. 6. Л. 11,33.).

Предположительно во второй половине 1900 года или начале 1901 года Мария стала женой В. Русанова. В июне 1901 года молодые супруги отправились в вологодскую ссылку. Владимир увлёкся путешествиями, исследованиями. В приготовлениях к его первым в жизни экспедициям принимала участие Мария и мать Русанова, Любовь Дмитриевна, которая приехала в Вологду помогать в заботах о родившемся внуке. Вероятно, в мае-июне 1903 года Мария, после смерти своего первенца (сын Саша умер от дизентерии), уехала в Вязьму, где в это время проживали её родители. Владимир Русанов в июле 1903 года писал: «...спущусь вниз по реке Печоре вёрст на пятьсот» (Владимир Александрович Русанов. Статьи, лекции, письма. Издательство Главсевморпути. М.-Л., 1945. С. 374.). После окончания ссылки, поздней осенью 1903 года, супруги Русановы из Орла выехали во Францию.

Валентина ТИТОВА,
кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры РФ

РУСАНОВ И ЕГО ЖЕНЩИНЫ

Училась Мария вместе с мужем в Сорбонне, но на медицинском факультете. По этому поводу Русанов писал в Орёл: «Я недоволен, что она будет доктором; лучше бы и скорее, если бы была химиком, но что поделать, если ей нравится! А я не люблю медицину, и мы с ней на этот счёт спорим...» (Там же. С. 376.). Мария добилась блестящих успехов в учёбе. Её имя в числе лучших студентов называл «профессор физики», французский учёный Пьер Кюри. Но стать врачом было не суждено. В конце марта 1905 года, после вторых родов, Мария умерла. Сколько ей было лет? Сколько она прожила? Документы, полученные из Сорбонны, помогли ответить на эти вопросы.

Один из них – свидетельство о рождении.

«Согласно императорскому указу и решению церковных властей Воронежа, настоящий акт, скреплённый подписями и печатями церковного совета Воронежа, выдан Марии Петровне Булатовой для того, чтобы засвидетельствовать, что в книге записей актов о рождении Николаевской церкви в селе Верхний Студенец в 1877 г. за номером 47 записано следующее: 15 августа рождена, а 20 августа крещена Марией. Родители: Пётр Венедиктович Булатов, канцелярский служащий 2-го ранга, и его законная жена Ольга Ивановна, оба православного вероисповедания»; родилась в г. Воронеже (ОКМ. Архив. Д. 3200. № 49. Л. 5.).

В сопроводительном письме приводятся следующие сведения: «Мадам Русанова, урождённая Мария Булатова... имеет степень бакалавра (решение от 27 сентября 1903 г.), имеет учёную степень РСН (естественных наук), полученную 27 августа 1904 г. в Париже. Поступает на медицинский факультет...» Во время поступления жила со своим мужем-студентом по адресу: «15, ул. Политехническая школа», в Латинском квартале (Там же. Л. 2 об.). Этот адрес ранее был неизвестен.

Из Парижа получена также копия диплома об окончании гимназии: «Настоящий диплом выдан Марии Петровне Булатовой, в замужестве Русановой, и свидетельствует о том, что подданная Российской империи, дочь канцелярского служащего, родившаяся 15 августа 1877 года, православная, окончила Николаевскую женскую гимназию в Орле с удовлетворительным аттестатом, из которого следует, что она успешно выдержала следующие экзамены: закон божий – отлично, русский язык, церковно-славянский и литература – хорошо, математика – отлично, естественная история – отлично, общая история и русская история – отлично, общая и русская география – отлично, физика и космография – отлично.

За успехи в изучении преподаваемых дисциплин она была награждена золотой медалью. Кроме того, мадам Булатова, в замужестве Русанова, посещала в 8 классе дополнительные занятия для желающих получить профессию

Мария Петровна Булатова

воспитателя и учителя русского языка начальных классов.

В соответствии с прошением и согласно положению Министерства просвещения о гимназиях от 4 марта 1870 года мадам Булатовой (Русановой) присвоено звание учителя начальной школы с правом преподавания русского языка и правом использования всех соответствующих привилегий» (Там же. Л. 6.).

Марии Русановой не стало в 28 лет. Остался сын, он воспитывался в Орле у матери Русанова Любови Дмитриевны.

Владимир Русанов продолжал учёбу в Сорбонне. Прошло шесть лет. В феврале 1911 г. он писал родным: «Сообщаю вам очень важную для меня новость: у меня есть невеста, и мы предполагаем устроить свадьбу после моего возвращения из предстоящей экспедиции на Новую Землю...

Профессора Сорбонны хорошо знают мою невесту, так как она окончила по естественному факультету и теперь готовится к диссертации на степень доктора естественных наук. Кроме того, она ещё занимается и медициной, хочет быть врачом, хотя ей не очень советую брать на себя так много дела. До сих пор ещё ни одна женщина во всей Франции не делала доктората по геологии, – моя жена будет первая. Таким образом, мне судьба дала очень учёную, красивую и молодую жену-француженку её зовут Жюльетта Жан. Жюльетта может сделать честь самому изысканному салону. Она прекрасно воспитана, знает музыку, понимает живопись и знает иностранные языки, особенно хорошо английский. И при всём том она нисколько не избалована и умеет работать. По религии она протестантка, а по происхождению – южанка с чёрными, как смоль, волосами. Ростом она почти с меня. Иметь такую жену – счастье, которое далеко не всегда и не всякому может выпасть на долю. Наконец кончится моя печальная, одинокая жизнь!» (Владимир Александрович Русанов. Статьи, лекции, письма. Издательство Главсевморпути. М.-Л., 1945. С. 386-387.)

Но свадьба осенью 1911 года не состоялась. Русанов остался в России после завершения экспедиции вокруг южного острова Новой Земли. Жил в Орле, работал над отчётами и планами, выступал с лекциями, готовил Шпицбергенскую экспедицию. Думал ли он об участии в ней Жюльетты? Не уверена. Считаю, что этот вопрос решился во время короткой поездки Русанова в 1912 году в Париж, где были сделаны некоторые заказы для предстоящей экспедиции. Вероятно, Жюльетта сумела убедить его.

9 июня 1912 года Русанов обращается с письмом к А.Д. Арбузову, директору департамента общих дел МВД: «...Находил бы весьма полезным и желательным участие в экспедиции в качестве натуралиста и медика французской гражданки Жюльетты Жан, окончившей естественный факультет Парижского университета и в настоящее время состоящей студенткой медицинского факультета. Кроме того, указанное лицо работает в Сорбонне над диссертацией на степень доктора геологии... В заключение замечу, что то обстоятельство, что мадемуазель Жан – француженка, едва ли может служить препятствием в экспедиции, так как она моя невеста и только отсутствие времени, обусловленное подготовкой к экспедиции, помешало состояться нашей свадьбе теперь» (Там же. С. 48-49.).

Жюльетта отправилась на Север. На Шпицбергене иностранцы очень удивлялись участию женщины в экспедиции, охотно и много её фотографировали. Она осталась на «Геркулесе» до конца и разделила трагическую судьбу любимого человека и всей экспедиции.

Где и когда родилась Жюльетта Жан? Ответы на эти во-

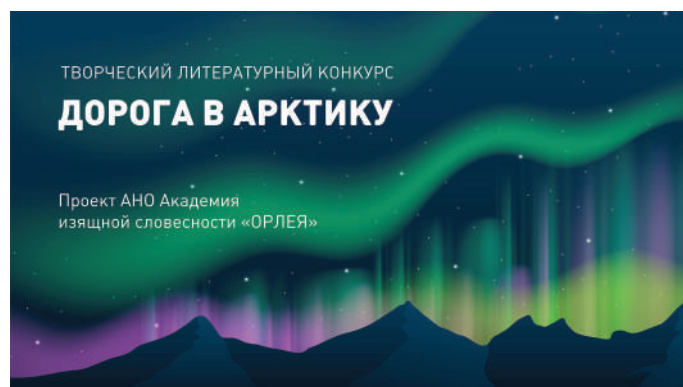
Репродукция рисунка художника В. Орлова (Гуашь, перо)
На палубе «Геркулеса» Владимир Русанов с женой Жюльет Жан.

просы мы также получили из Сорбонны. В акте о рождении записано: «В 1884 году 18 января в семье почтового служащего Огюста Фернана Деламотта Жан, 26 лет, проживающего в Тарасконе, родился ребёнок женского рода и которому он желает дать имя Элен-Жюльетта-Фанни-Деламотт. Матерью ребёнка является Полина-Фанни-Клементина-Соссин, домохозяйка, 21 года» (ОКМ. Архив. Д. 3200. № 49. Л. 2.). Неизвестно, когда семья переехала в Париж, но проживала она на бульваре Поль Руаль, 17. Это последний адрес, который сообщал В.А. Русанов. Жюльетта Жан получает степень бакалавра 6 ноября 1905 года, степень РСВ (биологии) на естественном факультете в Париже, 29 октября 1907 года – диплом научного работника (зоологии, ботаники и геологии)11. В сентябре 1901 года Жюльетта впервые записывается на медицинский факультет, а в марте 1912 года она запишется в шестой и последний раз.

Роковой возраст – 28 лет. В этом возрасте умерла Мария Булатова, в 28 лет Жюльетта Жан уходила в экспедицию на «Геркулесе», из которой ей не суждено было вернуться.

Среди находок экспедиции газеты «Комсомольской правды», представленных ныне в экспозиции Дома-музея В.А. Русанова, – стеклянный флакончик. Первоначально его называли очень поэтично: «духи Жюльетты Жан». Но экспертиза установила: из-под лекарства. Жюльетта была врачом экспедиции. Сегодня её имя называют в числе первых женщин-полярниц. Это действительно так. Очень хотелось бы найти семейный архив Жюльетты Жан – там письма, статьи, возможно, дневники...

По крупицам собираем материал, годами ждём ответов, но испытываем огромное удовлетворение, когда узнаём что-то новое о жизни и деятельности наших земляков, об их окружении, о близких им людям. И всё-таки остаются «белые пятна», и среди них – множество вопросов: где и когда погибла экспедиция 1912 года, с кем был дружен или близко знаком в России В.А. Русанов?

Время настоящих мужчин

Валентин Сорокин рос таким же, как все мальчишки: гонял во дворе с ребятами футбольный мяч, взрослея, занимался во Дворце спорта в секции дзюдо, брал призовые места. Был да и сейчас остаётся крепким, подтянутым, спортивным человеком. А ещё он любил кататься на велосипеде и слушать песни Виктора Цоя.

По отцовской стезе

Старшая дочь Валентина Сорокина, десятилетняя Василиса, вспоминая об увлечениях отца, по секрету шепнула: в школьные годы у него был кумир, Дмитрий Нагиев. Отец сам об этом рассказывал. Нравилось, что Нагиев весёлый такой, прикольный, шутки всякие придумывал.

Учился Валентин не сказать, чтобы плохо, но так, средненько. Маме иногда приходилось краснеть за оценки сына, но с дисциплиной у него всегда был порядок.

– Он, можно сказать, домашний ребёнок, и проблем с ним не было никаких, – делится с нами Надежда Григорьевна, мама Валентина. – Спокойный, уравновешенный, никогда ни перед кем не рисовался, не старался обратить на себя

внимание. Окончив 9 классов 17-й школы в Орле, поступил в машиностроительный техникум, получил специальность техника-технолога. А потом учился в Академии госслужбы при Президенте Российской Федерации. Служил в армии. Словом, как многие его ровесники.

Вернувшись со службы, Валентин не стал работать ни технологом, ни специалистом по управлению персоналом, а выбрал профессию водителя. Пошёл по стопам отца, который всю жизнь крутил баранку.

«Я так решил»

Жизнь Валентина катилась своим чередом, наматывая километры дорог и всевозможных впечатлений. На своём многотонном МАЗе исколесил пол-России, освоил маршруты на Урал и Тюмень, в Архангельск и Мурманск. Не раз пересекал границы Европы, доставляя продовольственные грузы в Сербию, Грузию и прочие страны.

А потом началась специальная военная операция России против зарвавшихся укро-бандеровских нацистов.

– Когда объявили мобилизацию, – рассказывает Надежда Григорьевна, – мы с отцом сразу заволновались: призвут Валентина. Ему 36, здоровый, ответственный, прошёл службу в армии. Он сам как-то признался: придёт повестка – никакими обстоятельствами пользоваться не буду. А обстоятельство было одно: трое детей, старшей дочери к той поре только девять исполнилось.

Зная его характер и историю нашей семьи, мы и не сомневались: как сказал, так и сделает. У него же дед по отцовской линии воевал, в Манчжурии в боях участвовал, во время Великой Отечественной освобождал с войсками Мценск, Минск, был ранен в Литве. Мой родной дядя вообще был на фронт с 18 лет, служил в армии до 1956 года, в отставку вышел в звании майора. То, что служба Отечеству есть необходимость и надо вставать на его защиту, когда пробьёт такой час, у нас никогда не оспаривалось и считалось естественным порядком вещей.

– Повестка Валентину, – продолжает рассказ Надежда Григорьевна, – пришла в мае 2023 года. Сын тогда приехал из командировки и сразу пошёл в военкомат. Вернулся, просто сказал: «Я подписал контракт». И успокоил: «Мам, не надо плакать. Время такое. Это наша страна. Кто её защитит, кроме нас?»

– Конечно, рыдала, несколько ночей уснуть не могла, места себе не находила, – признаётся она. – Пыталась отговорить, приводила всякие доводы, давила, уж извините за откровенность, на все «больные» места, а он своё: «Мам, решение принято. Я должен».

Дочь, Василиса, тоже против была, чтобы отец уходил: как без него?! А теперь, по прошествии времени, без стеснения говорит, что гордится таким отцом. Он не стал искать

лазейки, отлынивать и прятаться за границей, как некоторые трусы, а поступил, как настоящий мужчина.

В тылу и на фронте

Скоро год, как Валентин Сорокин и его боевые товарищи после обучения в одном из мест подготовки в Волгограде бьются за свою страну. Он зам. командира взвода, часто в составе стрелковой группы на БМП выезжает на передовую линию.

– Когда только начал служить, – поведала Надежда Григорьевна, – волнительно было: как он там, что? Сейчас понемногу адаптировались, и мы с мужем, и дети, и его сестра. Связь налажена, он сам звонит, когда есть возможность, и мы ему. Помогаем, всем, чем можем, и не только мы одни. Соседи, друзья, знакомые – многие так или иначе принимают участие, поддерживают моего сына и его товарищей.

Надежда Григорьевна рассказала, что как-то два его друга купили для Валентина старенький автомобиль УАЗ, так называемую «буханку», вместе сделали необходимый ремонт. Там, ближе к передовой, такая техника очень нужна: воду подвести, иной какой-то груз. Администрация города Орла передавала в подразделение, где служит Валентин Сорокин, печки для обогрева, тёплые вещи, бельё, сигареты, медикаменты.

Сама Надежда Григорьевна плотно, на постоянной основе, работает с волонтерами из Змиёвки, говорит: так изначально сложилось. Она обращается к людям, в первую очередь к соседям по дому, приносят, кто что может: тюль, другие материалы для изготовления маскировочных сеток, посуду на салаты, свечи, продукты питания. В посылках с гуманитарной помощью отправляли бойцам мини-плиты газовые, картошку, морковь, другие продукты питания. Дети пишут письма и открытки, в орловской школе № 27,

где учится Василиса, на Новый год провели аукцион: ребята готовили разные поделки, продавали всем желающим, а обранные средства сдавали в фонд помощи нашим бойцам.

«Нас не победить»

В декабре Валентин Сорокин побывал дома, в отпуске.

– Прошло каких-то полгода, – говорит Надежда Григорьевна, – а он изменился. Повзрослел ещё больше, ещё спокойнее стал. Более сдержанный, собранный, это чувствуется и в разговоре, и в каждом его движении. На наши вопросы, как там дела, как воюет, отвечает с улыбкой: «Мама, отец, всё хорошо. На войне, как на войне».

Четвероклассница Василиса, понимая, какой у неё отец, стала активно интересоваться историей. Читает статьи и книги о наших великих полководцах, какими были Александр Невский, Дмитрий Донской, знает о больших делах главных правителей страны прошлых эпох, царя-реформатора Петра Первого, Екатерины Великой, выдающихся учёных таких, как Михайло Ломоносов.

Пример отца и добрые бабушкины советы оказывают благотворное влияние на детскую душу. И это ой как важно сейчас для всех наших детей!

Валентин Сорокин подписал контракт на два года. Как будет дальше, загадывать не стал. Но будучи в отпуске, как-то в разговоре проронил: «При всех сложностях мне нравится в армии. Мы с ребятами делаем нужное дело».

Что тут сказать? Лучших слов, которые я услышал от его матери, не найти:

– Нас никогда не победят! – сказала Надежда Григорьевна. – Пока есть такие ребята, такие мужчины, как мой сын, у врагов шансов нет! Они сюда не придут!

Михаил КОНЬШИН

Фото из семейного альбома семьи Сорокиных

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК БЕЛОМОРЬЮ

Члены Союза российских писателей Геннадий Майоров и Наталия Елизарова приняли участие в Культурно-патриотической экспедиции «Поэтический венок Беломорью» (посвящена 80-летию разгрома немецко-фашистских войск в Заполярье) в рамках проекта «Народ. Герои. Литература», получившего грант Президентского фонда культурных инициатив, и презентовали свой Всероссийский проект «Вечный огонь».

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«МЕЖПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЬСКОГО РАЙОНА»
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

12+

11 апреля 14.30

Литературная встреча «Вечный огонь»

Наталия Елизарова
г. Москва

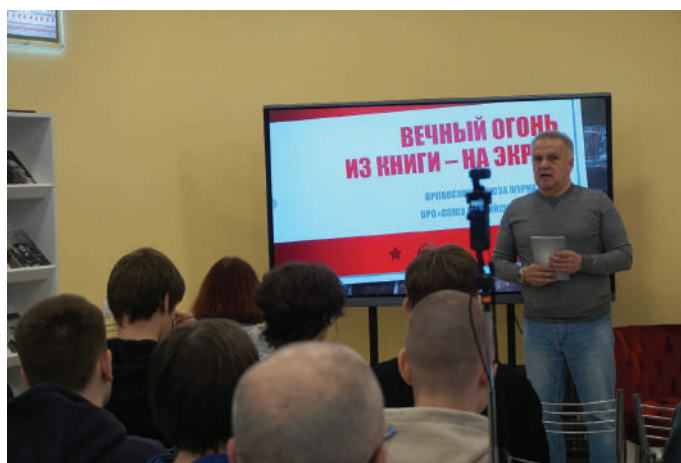

Геннадий Майоров
г. Орёл

в рамках проекта «Народ. Герои. Литература»,
реализуемого Мурманским отделением Союза писателей России

**ВХОД
СВОБОДНЫЙ!**

г. Кола, пер. Островский, д. 6
8(81553)3-59-72
www.kolabiblio.ru
vk.com/kolabiblio

Эта экспедиция была придумана и начиналась при жизни Михаила Григорьевича Орешеты, писателя, краеведа, поисковика. С 1975 года он занимался изучением истории Кольского края, организовывал поисковые и военно-патриотические экспедиции. При его участии было обнаружено несколько сотен останков советских воинов. С его подачи установлены и восстановлены памятники в местах воинских захоронений. Он являлся инициатором установления множества мемориальных досок и памятных обелисков.

Последователи Михаила Григорьевича Орешеты — поисковики, а также представители Мурманского отделения Союза писателей России стартовали на Терский берег, почтив память героев Великой отечественной войны, погибших в этих краях. Поэты Илья Виноградов, Марина Доценко, Валерий Чарторийский, Елена Назарова, а также Вера Кольчева — вдова поэта Николая Кольчева, гости из Москвы и Орла и ансамбль «Марго» посетили поморские сёла, выступили в Кандалакше, Умбе и Варзуге.

Наталья Елизарова успела презентовать Всероссийский литературный конкурс «Дорога в Арктику», получивший поддержку Председателя комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики Н.М. Харитоновой, и выступить перед школьниками младших классов в Мурманской областной детско-юношеской библиотеке имени

В.П. Махаевой, где гостеприимно встретила гостей Людмила Коновалова и её коллеги.

Геннадий Майоров рассказал студентам города Кола о проекте «Вечный огонь», или «Из книги — на экран» и показал документальный фильм, снятый по его книге, который побывал уже во многих российских городах. Судьба женского артиллерийского расчёта не оставила равнодушными и местных зрителей.

Много интересных фактов узнали гости от Светланы Стадник — координатора поездки. Прощались с местными жителями тепло с надеждой на новые встречи.

Ната ЗЯБЛИК

P.S. Особенно нас впечатлили местные библиотеки, поражающие количеством помещений и их оснащением. Эти «умные библиотеки» имеют минимум по три зала с большими экранами, в разных уголках книжного царства есть места и для игр, и для тихого чтения, и для проведения масштабных мероприятий. Неудивительно, что дети предпочитают проводить здесь всё свободное время.

Владимир МИСЮК

Родился 14 апреля 1959 года в Ставрополе-на-Волге (ныне Тольятти). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза российских писателей. Автор десяти поэтических книг и многочисленных публикаций в периодике. Редактор литературно-художественного журнала «Город» (Тольятти), редактор-составитель альманахов «Паровоз» и «Лёд и Пламень».

* * *

Вечернее солнце сыграет отбой,
Полшага до крайнего срока.
Один на один остаёшься с собой,
А это такая морока.

И сколько себе о покое ни лги,
Услышит душа-недотрога,
Как память замок вышибает с ноги
И пристально смотрит с порога.

* * *

Журавлиного клина
Слышу крик вдалеке.
Время маткой шмелиной
Шебуршит в кулаке.

Но уже перепалка
С неизбежным слаба.
Замедляется прялка,
За которой судьба.

Знать, напрасно боролось
Пламя с мёртвой золой.
Память, сила и голос
Поглощаются мглой.

Всё подводит итоги
Бытия на земле.
Похоронные дроги —
Разлагаться и тлеть.

Солнце осень сырая
Скупое цедит меж туч,
О придуманном рае
Согревая мечту.

* * *

Нос разбили — кровушка стружкой потекла.
Жаловаться некому: мамка умерла.

Девушка-обманщица сердце унесла.
Жаловаться некому: мамка умерла.

Голова с похмелья трещину дала.
Полотенце — некому: мамка умерла.

Стих всю душу вымотал. Не идут дела.
Жаловаться некому: мамка умерла.

Смерть идёт, нахальная, прямо по пятам.
Вот и жизнь кончается. Мамка, где ты там?

* * *

Этот омут, и сад, и ограда,
И в наслёпку на глади листва,
И скамейка, и больше не надо
Ничего, чтобы верить — жива

Память сердца, застывшая ныне
Без обид в летаргическом сне.
Сад и омут, и мысли о сыне —
От щедрот. И достаточно мне.

* * *

Из динамика — песня про бумер...
Плиткорезом таджик поднимает страну.
Умер Тряпкин. И Решетов умер.
Удавился пацан по фамилии Рыжий.
Кушнер — стар. Кублановский — в Париже.

Актуальной поэзии жижка
Наползает во всю ширину.

Борис СКОТНЕВСКИЙ

Родился 13 января 1953 года в г. Куйбышеве (ныне - Самара). Окончил Куйбышевский медицинский институт. Член правления Союза российских писателей. Председатель правления Тольяттинской писательской организации. Автор двенадцати книг стихотворений. Лауреат Всероссийской премии им. Н. Рыленкова, награждён медалью им. М. Шолохова.

* * *

Вздогнешь, печалью пронизан насквозь,
Кровью поняв, что на свете на белом
Непоправимое что-то стряслось, —
Лист ли сорвался,
душа отлетела.

Что разбудило тебя в тишине?
Что напугало тебя до предела?
Лист ли сорвался,
душа отлетела...

Эти полёты бесшумны вполне,
Это такое обычное дело.

ВОСПОМИНАНИЕ

Морозище. Дымок над крышей.
Закат стремительный и рыжий.
И тонкий запах чистоты,
И тень длиною в полверсты.

И лай собак, и сектор частный,
И я, счастливый и несчастный,
Портфель тетрадами забит,
И душу смертную знобит.

И я один, и где же люди,
И я без водки во хмелю, —
Ещё никто меня не любит,
А я уже весь мир люблю.

* * *

Между мной и Богом никого:
Ни врага, ни друга, ни любимой.
Между мной и смертью ничего, —
Только время, хлещущее мимо.

Между мной и небом — не стена,
Так, сквозная дымка голубая.
Между мной и далью тишина
И простор от края и до края.

Мне никто не может помешать
И помочь. Ни в чём, никак, нисколько...
Начинаю это понимать.
Только начинаю,
только-только.

* * *

Глинистый берег. Синеющий лес.
Всё, как и было вначале.
Знать, не бывает на свете чудес,
Кроме любви и печали.

Всё, что осталось — любовь да печаль, —
Нежность царапает горло.
Небо исчёркано словом «прощай», —

Птица мелькнула —
и стёрла.

Солнечный свет убывает уже,
И тишина прибывает.
Разве бывает так тихо душе?
Господи,
разве бывает?

* * *

По течению, по течению,
День за днём да за годом год...
Посмотрел на зарю вечернюю,
Глядь —
а это уже восход.

Гонит сила неодолимая,
Перепутались все следы.
Посмотрел на лицо любимое,
Глядь —
а это уже не ты.

Совесть правила, страсть коверкала,
Время двигало напрямик...
Посмотрел ненароком в зеркало,
Глядь —
а там незнакомый мужик.

* * *

«И играть согласен эту роль...»
Борис Пастернак

Мир, случившийся из ничего, —
Он не может без боли, без крови.
Я бы проклял, наверно, его, —
Если б было хоть что-нибудь кроме.

Мир не тот, и эпоха не та, —
Но попомни: ни ада, ни рая,
А вокруг пустота, пустота
Мировая,
ау,
мировая.

Если хочешь, поплачься звезде.
Если можешь, пожалуйся Богу.
Только нет никого и нигде.
Нет!
Ни сверху,
ни снизу,
ни сбоку.

Но срастаются чувства и роль,
Чернозёмы с листвой золотою.
И Любовь — урожденная Боль,
Повенчавшаяся с пустотою.

Наталья ПРИЛЕПО

Родилась 7 января 1985 года в г. Михайловске Свердловской области. Окончила Тольяттинский государственный университет, работает учителем математики. Автор поэтического сборника «Виват, Король!» и публикаций в периодике. Победитель всероссийских поэтических конкурсов «Поэзия Тольятти», «Ода огороду», лауреат всероссийских поэтических конкурсов «Отцовский след», «От фонаря», член жюри Всероссийского поэтического конкурса «Голоса цветов» (Тольятти, 2023). Лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Сезон дождей» (Тольятти, 2023).

ВСЁ ТОТ ЖЕ СНЕГ

Всё тот же снег, всё тот же сон,
 Как на повторе.
 Тяжёлый воздух заражён
 И тошнотворен,
 Как дым от тлеющей травы,
 Уснувшей насмерть.
 Как долгий запах синевы,
 Прожжённой красным.
 Горит, горит, но изнутри,
 Роняя пепел.
 Сухим костром горит, горит
 И небо теплит.
 Кромешный пепел, словно снег,
 Болеет серым.
 Произнесу тебя во сне,
 Как через сердце.
 Как через время, позову,
 Теряя имя.
 Но заострён до боли звук,
 Невыносимо.
 Бессильно зажили слова,
 Как будто раны.
 Горит уснувшая трава
 Под пеплом рваным.
 И полумрак, как полубред,
 Цвета сжижает,
 То обретая силуэт,
 То искажаясь.
 В какой-то сумрачный провал,
 Как в сон печальный,
 Я возвращаюсь проживать
 Тебя сначала.
 До черноты гореть, гореть
 В дыму разлитом.
 Я сам себе сегодня смерть.
 А ты — молитва.
 Горячий снег зажат в горсти.
 Февраль просрочен.
 Прощай. Счастливого пути.
 Спокойной ночи.

СБЕРЕГИ МЕНЯ

Сбереги меня, милая, сбереги
 В заповедном краю, где кипрей зацветает вспять.
 Где гремучая ходит река, искажает гладь,
 Чуть дотронувшись холодом до руки.
 Стереги меня, милая, стереги.
 Сонный воздух размыт и как будто сошёл на нет.

Утонувшее солнце закатно кровит на дне,
 Создаёт полукружия и круги.

Разыщи меня, милая, разыщи,
 Если снова уйду по вчерашним своим следам.
 В обмелевшем колодце седая жила вода,
 Стала мёртвой, не движется и молчит.

И дыханьем, горячую, не согреть.
 Утекает с ладоней, оставив тягучий ил.
 Кто-то медленно шьёт меня в десять беззвучных игл.
 С каждым разом мучительней и острей.

Разыщи меня, милая, разыщи.
 Состоя из пустот, я совсем лишена примет.
 То болотная выпь, то блуждающий топкий свет,
 Что от белого дыма неотличим.

Тропы делятся, делятся на шаги.
 Сквозь меня высоко прорастает разрыв-трава.
 Остывает живучего солнца сырой овал.
 Сбереги меня, милая, сбереги.

ДОЛГО-ДОЛГО

Долго-долго делятся тропы.
 Травы полнятся водой.
 Рвём дремучую крапиву
 В ловкий бабушкин подол.

По росе трава целебней.
 Низко стелется туман.
 Молчаливо проступают
 Огороды и дома.

От сырой крапивы душно.
 И кругом такая тишь,
 Что обратно не вернуться
 И со следа не сойти.

Ходит бабушка неспешно,
 И шаги её темны.
 Всё распутывает стебли,
 Ветки, корни, колтуны

Вдоль заросших огородов,
 Сквозь серебряную марь.
 Шарит медленное солнце
 По оставленным домам.

В заколоченные окна
 Пробивается сквозняк.
 Долго-долго делятся тропы
 И не кончатся никак.

Сергей СУМИН

Поэт, эссеист, литературный критик, главный редактор литературного альманаха «Графит», куратор ежегодных фестивалей поэзии Поволжья. Родился 16 ноября 1973 года. Окончил Тольяттинский педагогический институт, по образованию филолог. Автор книг стихов и прозы «Письмена листвы», «Слова и мёд», «Метаморфозис». Автор серии моноспектаклей по творчеству поэтов, художников и архитекторов Серебряного века. С 2017 года читает лекции для горожан в Библиотеке актуального чтения. Работал учителем в школе, экскурсоводом в Самарской Луке, главным редактором газеты «Волжский университет», методистом, в настоящее время — главный библиотекарь библиотеки культурного центра «Автоград». Руководит лито «Автограф» при культурном центре «Автоград». Лауреат городского конкурса «Поэзия Тольятти» (2022).

* * *

Всё едино: в профиль или анфас —
Мы с размаху падаем в эту боль,
Ибо если снег не очистит нас,
То согреет ли алкоголь?

Как зерно, что падает в чернозём
И очнётся в мартовские поры,
Ограничься светом и только в нём
Обнаружишь истинные дары.

И слова, которые не снесу,
И земля, что примет и приберёт,
Как рука, протянутая к лицу,
Не спасёт, но главное — не соврёт.

И сердца встречают слепой удар,
И поля безвинны весенним днём.
Навсегда земной нас полюбит шар
Обнимая корнями сквозь чернозём.

* * *

Смотрю туда, смотрю во все глаза —
Чернобыль мой, густая бирюза,
Над городом огонь, и дым, и смрад,
Неистовый и страшный маскарад.

Мой город, перевёрнутый вверх дном,
Стоит и ловит воздух мёртвым ртом.
Он умер — говорят — а я не верю,
Смотрю невинно на свою потерю.

А женщина? Там женщина моя,
С высоток стёкла падают звеня,
И я поспешно собираю стаю,
И с птицами огромными летаю.

Спускаюсь, будто ветер, к пустырям.
Мой бог, здесь пыль и пепел, стыд и срам,
В чаду бульвары, площади пусты,
Упали церкви, рухнули мосты.

Мой город чёрен, как полынь-трава,
Чернобыль мой, пустая голова,
На Медной улице, в Стеклянном тупике
Я вижу лилию в обуленной руке.

Смотрю на пламя, будто бы во сне,
Горит мой город, я хочу к тебе.
Я жил когда-то здесь, был молодым,
Но это в прошлом, я теперь — один.

Нас всех подробный пепел занесёт,
И что ещё душа моя найдёт?
Сгорел мой город, и туман густой
Вползает в окна, льнёт над мостовой.

* * *

Где чудесный фонтан в окружении клёнов
И берёз, будто чаша с прозрачной водой,
Там иду я сейчас и подобие звонов
Слышу в пенье воды у себя за спиной.

Так беседуют Музы на тихих скамейках —
Беспечально, и всё, что я слышу — журчит.
Я стоял здесь однажды на школьной линейке
И мечтал, что судьба меня в море умчит.

Впереди — только Волга с течением ровным,
И фонтан подражает ей блеском своим.
И когда я иду здесь в забвении сонном,
Представляю себя молодым-молодым.

Время тоже течёт и, возможно, по кругу
Нам сюда возвратиться ещё предстоит?
И вода мне поёт, что любовь и подругу
Встретить можно ещё, только время бежит.

Только надо спешить, ибо кровь не водица,
И застыв, не сумет оттаять весной.
В Портпосёлке в июле родные все лица,
И фонтан освежает в полуденный зной.

Дмитрий ЩЕГЛОВ

Дмитрий Алексеевич ЩЕГЛОВ – известный драматург и прозаик, автор многих пьес на исторические и современные темы и мемуаров о войне, которые он закончил в 1963 году, незадолго до смерти.

Во время войны он был офицером, работал с пленными, вёл пропаганду и контрпропаганду среди солдат противника. Обо всём этом почти не писалось в нашей литературе, и книга Дм. Щеглова открывает нам новую и малоизвестную область военной жизни.

В чём была сила умного и изощрённого врага, который противостоял нам; как фашисты использовали в своих интересах ошибки и беззакония предвоенных лет; как совершался моральный распад гитлеровской армии и перелом в душах её солдат и офицеров; как остра и сложна была обстановка на освобождённых землях и в Германии, когда туда вступили наши войска; как сама жизнь позволила автору несколько лет следить за судьбами нескольких немецких офицеров и нескольких русских людей – обо всём этом рассказывает книга «Три тире» (Советский писатель, Москва, 1967). Предлагаем вам отрывки, связанные с Орловицкой.

ЗАДАНИЕ ПОЛУЧЕНО

Далеко позади осталась река Нева, село Дубровка, трагический «пятак» на берегу реки и мой Отдельный 5-й истребительный батальон НКВД, вернее, остатки батальона.

На гнилых Синявинских болотах пожал я руки своим разведчикам, ученикам, друзьям... и вот из штаба Волховского фронта в Неболочах я еду через Бологое по восстановленной Октябрьской дороге в Москву, за направлением на новую работу.

После сырых землянок, болотистых приладожских лесов и чавкающей под ногами грязи странно попасть в вагон, где палевые шёлковые занавески словно возвращают тебя в прошлое. Но нет! Сейчас «мирной жизни» быть не может. Сегодня ты офицер и будешь выполнять эти обязанности, пока не прозвучал сигнал победы.

Вот и Москва. Она мне показалась всё той же, как и до войны: просторной, людной и красивой. Женщины в летних мирных платьях поразили своей грациозностью и каким-то внутренним покоем. И несмотря на то что по улицам проносятся военные автомобили, весь облик города как будто утверждает мир. И к тому же – солнце! Тёплое и знойное в самом начале мая...

В отделе кадров получил направление в недавно сформированную 63-ю армию. В маленьком зелёном особняке на Арбатской площади два специалиста после небольшой беседы на клочке бумажки написали: «По-немецки говорит свободно». И вот в моём кармане направление: в штаб Брянского фронта.

11 мая 1943 года

Вчерашний день в Москве оставил впечатление чего-то доброго и хорошего. Все улыбались мне, а может быть, моей военной форме. Зашёл в Центральный дом работников искусств, и так же как в вагоне, когда садился в Бологом, меня охватила атмосфера порядка, чистоты и будущего мира.

Сейчас 8 часов утра. Солнце греет. Поезд шёл до Тулы целых семь часов, вдвое дольше, чем до войны. По-весеннему беспечно и приятно гудят на поворотах тульские миниатюрные трамвайчики. Получив в комендатуре сухой паёк, забрался в местный поезд, в просторный летний жёлтенький вагон, и вот опять пишу и думаю тихонько о сыне, о жене, о встрече с ними потом, после войны. А вот и тронулись. Бегут мимо поля и перелески. Природа вокруг в блистательной и яркой дымке. И кажется, что всё составлено только из двух красок, повторяющихся и там и тут: зелёно-жёлтая трава, зелёно-жёлтая листва, цветы и даже небо и вода...

Места чудесные, в особенности после болот и топей Волховского фронта. Просторные и мягкие холмы, на них деревни и хутора. А вдаль убегают узкие тропинки, и белеют ленты высохших дорог. Вот проскочили Ясную Поляну... Земля великого Толстого... и здесь ступала нога фашиста.

12 часов дня. Приехали. Сдал вещи на хранение и отправился от станции Пасечной в город Плавск. Это кусочек ушедшей в прошлое России. На холме стоит старинный дворец бывших князей Горчаковых и, отгораживая огромное поместье от всего мира, тянется уродливая и бесконечная каменная ограда. Везде пышная зелень, и разрушений в городе не заметно, хотя сожжено около 300 домов.

Оформив в штабе документы, отправился к своему начальству, но не застал его. Оно в отъезде. Поэтому засел за изучение последних документов и протоколов допроса пленных.

Мне показались интересными показания солдат из 296-й пехотной дивизии о том, что им теперь приказано отдавать особый рапорт (В те дни я ещё не знал, что с этой именно дивизией мне придётся иметь так много дел.): «Я, солдат такой-то, стою на посту с задачей удерживать занимаемый рубеж до последней капли крови, а при наступлении противника – обязан его уничтожить до последнего моего вздоха».

Не случайно мог появиться подобный текст: в нём чувствуется ожидание нашего нового удара и, пожалуй, неуверенность в том, что этот удар легко можно будет отразить. Всё это не что иное, как «сталинградский след».

Меня удивил товарищеский тон приказов, обращённых к солдатам 82-й дивизии. Имя её командира генерал Бенш.

«...Мы должны заботиться о своих товарищах. Мы должны поддерживать слабых и ободрять их. Мы не допустим, чтобы кто-нибудь из нас жил в тоске и одиночестве. Недавно один из наших товарищей покончил жизнь самоубийством, так как ему показались невыносимыми условия войны. В этом случае помочь может только боевой товарищ!.. Итак, стремитесь к настоящей дружбе между собой! К настоящей заботе! Тогда всё трудное станет для нас лёгким!»

Эта дивизия находится перед нами на Брянском фронте, и стоит обратить внимание на её весьма неглупого командира.

Прочёл большую пачку немецких писем и с горечью подумал, как мы напрасно упрощаем психологию врага и сводим все его поступки к «автоматизму», а он яростно убеждён в том, что именно мы собирались первыми напасть и уничтожить всю Германию и, если бы Гитлер не начал своё вторжение в Россию, мы бы набросились на них. Вот это нам и предстоит преодолеть в сознании солдат противника. Для будущего мира страшен тот, кто убеждённо бьётся за ложную идею, за величие Германии, не понимая, в чём суть величия.

Вот, например, дневник обер-лейтенанта Герхарда Румпфинга из Эссена, офицера связи дивизии, разгромленной под Сталинградом.

«Воскресенье, 17/1–43 г. Что будет, когда не останется ни одного патрона? Что нас ждёт? Мы поддерживаем теперь непрерывную связь с главным командованием (нач. штаба генерал Цейтлер) и с самим фюрером. Положение настолько плохо, что если не быть оптимистом, можно прийти в отчаяние.

Понедельник, 18/1–43 г. Ночью прибыло ничтожное количество транспортных самолётов. Норма питания: 50 граммов сухарей (один целый сухарик с кусочком), на обед вода с тремя горошинами, на ужин – бумага, смазанная салом, и кусочек мяса в 5 граммов. Ещё держимся! «Ничего» (слово написано по-русски).

Вторник, 19/1–43 г. Сегодня Паулюс послал фюреру радиограмму примерно такого содержания: «Крепости нам больше не удержать. Умершие с голоду, раненые и замёрзшие немецкие солдаты валяются по дорогам. Поэтому я приказал – пробиваться на ю.-з. Прошу выслать самолёты для вывоза специалистов. Меня из этого списка прошу исключить».

Среда, 20/1–43 г. В 11.30 пришёл ответ: «Фюрер воздерживается пока от решений. Майору Цитценмес (?– фамилию точно не разобрать) вылететь для доклада». Если бы только был провиант, мы ещё смогли бы держаться».

Да, это именно та порода, которая сейчас страшней всего. И повернуть взоры таких вояк туда, в грядущее, в будущий мир между народами, пока ещё невозможно.

14 мая 1943 года

В 12 часов дня приехал за документами на довольствие во 2-й эшелон Политуправления фронта, расположенного в бывшем имении Льва Толстого – Ясной Поляне. Передо мной такие знакомые по фотографиям белые здания усадьбы. А рядом голые, разрушенные стены уничтоженной толстовской школы. Охватило волнение, словно я приехал в старые, родные мне места, где не был с детских лет. А вся природа, холмы и уходящие куда-то грустные тропинки, по которым ходил в раздумьях Лев Толстой, – всё это, очевидно, осталось совсем такое же, как и при нём.

В моём распоряжении оказался целый день, и я пошёл бродить по парку, рассчитывая найти могилу великого писателя. Она цела: стоит в прекрасной берёзовой, весёлой роще, простая, тихая могила. Её не посмели тронуть, только нет знаменитого заборика вокруг. Но тут же, недалеко, на перекрёстке двух дорог, два пулемётных немецких дзота, и – что потрясло и оскорбило как величайшее кощунство – берёзовые аккуратные кресты с насаженными на них стальными шлемами. Вокруг могилы Льва Толстого раскинулось кладбище завоевателей.

16 мая 1943 года

Начальства ещё нет. Солнце ласкает, греет, ему совершенно наплевать на горести людей. А по деревенской улице, скрываясь в жёлтой густой пыли, проходит бригада танков.

Вчера прошёл в музей Толстого. Оказывается, из него пропало всего 90 несущественных предметов, всё остальное было вовремя увезено в Томск или спрятано в подвале дома, в котором помещался немецкий лазарет. Однако в день отступления фашистских войск пришёл приказ – уничтожить дом. В знаменитой столовой уже успели поджечь полы. Музейные работники, рискуя жизнью, сбили огонь, предотвратив пожар. Пожилая сотрудница (имя её я позабыл) рассказывала об одном своём разговоре с немецким доктором. Он выразил ей свою радость, что оказался в усадьбе знаменитого писателя и мудреца, которого с детства почитает, но тем не менее тот диван, на котором родился Лев Толстой, он преспокойно приказал перетащить к себе, сказав при этом: «Я жив, а господин Толстой уже давно мёртв... и, стало быть, этот диван нужнее мне!»

Однако хранители музея ему не уступили, и, когда он вышел, диван немедленно был отнесён в подвал и спрятан. Записываю этот факт потому, что в нём отразился моральный

уровень завоевателей и незаметное геройство наших простых людей. И как дополняют этот случай письма пленных, хранящиеся в тыловом архиве! Вот неотосланное письмо старшего ефрейтора Вилли Клейнера своей жене от 3 февраля 43 года:

«Горе, если мы не сумеем увенчать наши знамёна победой... Одна мысль об этом заставляет уже кипеть в жилах кровь. Мы возлагаем большие упования на предстоящее весеннее наступление. Оно должно принести нам желанный результат. Чего бы это ни стоило – победа должна быть нашей!»

Но весна уже в разгаре, а гитлеровского наступления что-то нет. Почему? Накапливают силы? Но ведь и мы готовимся к боям, и каждый новый месяц укрепляет нас больше, чем их.

18 мая 1943 года

Вчера расстался с прекрасной тишиной Ясной Поляны и на попутном грузовике поехал в свою армию.

По обочинам шоссе устало шагали женщины в каких-то старинных рваных платьях. На их лицах размазанная грязь, на босых ногах – корки глины. Женщины везут на домодельных, плохо сложенных тележках мешки с картошкой. Большинство движется навстречу нам, из деревни в город.

К вечеру поднялся ветер, стало холодно, в довершение зачихал мотор, и мы наконец остановились. Взвалив на плечи вещевой мешок, двинулся (уже в полной тьме) в неизвестное село Пожилино, где должен был находиться штаб 63-й армии.

Безлюдная днём дорога вдруг оживилась, меня обгоняли мощные «студебеккеры», гружённые ящиками. Маленький красный флажок на борту пояснял – снаряды. Проходили новые самоходные пушки, иногда огромные танки. Лишь на короткий срок наступали безлюдье и тишина. Неожиданно сбоку донеслись голоса, гармонь, ленивый собачий лай. Впереди появились силуэты домов. Я постучал сначала в дверь, потом в окно. Женский голос ответил, что на селе уже никого нет, все уехали. Это было похоже на правду... Но в высоких окнах бывшей церкви я заметил беспокойный свет. В полуразрушенном здании оказался армейский телеграфный взвод. Это было последнее штабное подразделение, которое ещё оставалось здесь.

Чуть занялась заря, поднялся и пошёл искать по длинному селу машину, которая бы доставила меня к штабу армии. Вокруг домов цветущие фруктовые сады, и, кажется, всё налито весенним соком и новой жизнью. Но подошёл поближе и увидел крапиву, репейники и лопухи. Они, как допотопные растения каменного века, расплозились в садах и душили яблони, смородину и груши. Вот так же семь веков назад, после нашествия татарских полчищ, зарастала бурьяном русская земля.

У славной бабки, с гордостью назвавшей себя «наистаршая Маленкова», выпил парного молока и узнал кое-что о немцах. Они в этой деревне не стояли, но наезжали иногда и забирали гусей и кур. На фронте у бабки четверо сынов, шестеро зятьёв, четыре внука и восемь племяншей. Это знатно! В конце беседы она спросила об обстановке и, строго глядя мне в глаза, уверенно сказала: «Уже недолго. Знаю. Вижу. Ведь мы теперь куда сильнее!»

Сейчас опять сижу в холодной церкви и жду броневиков. Обещали подвезти. Сначала я был огорчён, что не нашёл штаб армии на указанном месте, но сейчас понял – ведь это означает, что приближаются активные дела и всё – снаряды и резервы – подтягивается к передовой. До штаба предстоит ещё проехать около пятидесяти километров.

(Продолжение следует)

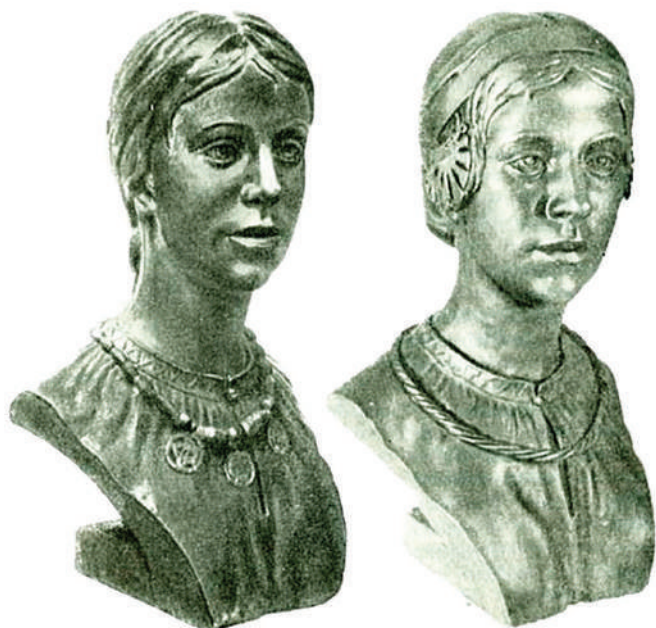

ВОЛШЕБСТВО ВЕРХНЕОЧЬЯ

Верхняя Ока и её исток

(Начало в № 47. Продолжение следует)

Далее граница расселения вятичей следовала на северо-запад вдоль правых притоков до верховьев Москвы-реки, гранича с землями другого восточно-славянского племени кривичей, а потом поворачивала на восток по направлению к верховьям Клязьмы. При впадении Учи в Клязьму граница поворачивала на юго-восток и шла сначала по левому берегу Москвы, а затем Оки. Крайняя восточная граница распространения вятичей – древний город Переяславль-Рязанский, впоследствии принявший на себя название Рязань, ранее принадлежавшее совсем другому городу (ныне городище и село Старая Рязань через Оку от городка Спасск-Рязанский в Рязанской области).

Вятичка. Реконструкция по черепу из кургана у Саввинской слободы. 1 вариант – Государственный исторический музей, 2 вариант – Музей истории и реконструкции г. Москвы

Вятичи неоднократно участвовали в походах древнерусских киевских князей на Византию, однако войти со своими землями в древнерусское государство не хотели.

В 965 году доблестный русский князь Святослав Игоревич, разгромив Хазарский каганат, номинально подчиняет вятичей. Он, несомненно, был на Оке, смотрел в её глубины, крутил свой длинный ус, но и река смотрела в его глаза, а мы ныне смотрим в глаза реки и чувствуем неразрывную связь прошлого и будущего.

Придворный историограф византийского императора Иоанна I Цимисхия Лев Диакон так описывал князя: «Умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с од-

ной стороны её свисал клок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдетая золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамлённым двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближённых только чистотой».

В 981 году Святой князь Владимир совершил поход на Оку и снова подчинил гордых вятичей, возложив на них дань. Но они восстали. В 982 году Владимир совершает второй поход на непокорных вятичей, усмирив их: «В лето 6490. Заратишася вятичи, и иде на ня Володимер, и победи».

Но лишь во второй половине XI века образованный и золоторечивый князь Владимир Мономах покорил их окончательно.

О его внешности осталось следующее описание, взятое историком В.Н. Татищевым из не дошедших до нашего времени древнерусских летописей: «Лицом был красен, очи велики, власы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростом не вельми велик, но крепкий телом и силён. В воинстве вельми храбр и хитр ко устроению войск... Сей великий князь всех русских князей себе покорил, так что во время его владения ни единой не смел на другого воевать или ему воспротивиться, но все яко отца почитали, а половцы не смели ни одною нападения в пределы русские учинить».

Он неоднократно был на Оке и ходил по Земле вятичей, о чём сам написал в своём «Поучении», являющемся одним из древнейших и прекраснейших памятников русской литературы. В те опасные времена пройти по Оке через этот дикий край было равносильно подвигу. Князь буднично пишет о том, что он начал взрослую жизнь в тринадцать лет, когда отец послал его к Ростову «сквозь землю вятичей». Если считать, что годом его рождения был 1053, то это событие можно отнести к 1066 году. И сам князь ставил эти свои походы в один ряд с покорением им самим на охоте диких зверей, просто сухо перечисляя как военные действия, так и эпизоды охоты. Вот как звучат эти его воспоминания в современном русском переводе: «Два тура метали меня рогами вместе с конём, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бёдра и коня со мною опрокинул». Как раз в ряду каких событий упоминался первый поход князя через Землю вятичей.

Дважды князь точно видел Оку зимой, когда её русло было покрыто снегом. Именно по замёрзшей Оке, ведь другой дороги не было, князь ходил, как он сам пишет – «две зимы», на непокорного вятического предводителя Ходоту: «а в Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходих 1-ю зиму». Эти походы видимо состоялись между 1078 и 1094 годами, когда благоверный князь правил в Чернигове

При нём по всей Верхней Оке появляются небольшие деревянные феодальные замки, а с XII в. – древнерусские города, которым ещё предстояла долгая непростая жизнь, наполненная краткими днями мира и яростными схватками с врагами.

*И сабель звон и свист мечей,
И крики раненых, и хрипы умирающих,
И гулкий топот тысячи коней,
И звук победных труб, над битвой прозвучавших,*

*Всё унесла с собой в минувшее река,
Впитав в себя и боль людей, и радость боя,
Течёт, блестит, колышется Ока,
Но зримо прошлое, под гладью голубую!*

Последнее упоминание вятичей и их земель в русских летописях относится к осени 1196 года, когда на вятических землях произошло вторжение и сожжение Козельска и Болхова владимирским князем Всеволодом III Большое гнездо.

После этого здесь по Оке создаются несколько Верховских или Верхнеокских княжеств, получивших своё название по верховьям реки Оки, на берегах которой они располагались (Новосильское, Воротынское, Одоевское, Белёвское и другие).

Они возникли в XII–XIII веках как уделы Черниговского княжества и с 1246 года находились под властью младших сыновей и последующих потомков черниговского святого князя Михаила Всеволодовича. Как известно, он перед входом в шатёр хана Батыея отказался повиноваться монгольским жрецам, которые повелели ему пройти через священный огонь и поклониться их идолам. Он смело ответил им: «Я могу поклониться царю вашему, ибо небо вручило ему судьбу государств земных; но христианин не служит ни огню, ни глухим идолам». За отказ он приказу Батыея был казнён. Следом принял смерть за веру и его верный боярин Феодор.

Около 1355 года Великий князь литовский Ольгерд «повоевал» Брянск, после чего ему подчинились и многие другие из уделов, на которые распалось чернигово-северское княжение. С захватом Великим княжеством Литовским Брянского княжества, князья которого владели титулом великих князей черниговских, верховские княжества стали независимыми. В 1375–1380 годах действовали в союзе с Московским княжеством в походе на Тверь и в Куликовской битве. Но уже в начале XV века Верхнеокские княжества также попали в зависимость от Великого княжества Литовского, которому выплачивали «полетнее» (ежегодную дань). Часть этих княжеств полностью попала под власть Литвы и потеряла независимость, но некоторые сохранили внутреннюю автономию и правящие династии даже после вхождения в её состав.

Внутренние конфликты и ссоры подтолкнули верховских князей к «отъездам» к великому князю Московскому Ивану III, что привело к Пограничной войне с Литвой в 1487–1494. В результате по договору 1494 года Литва признала включение территории этих кня-

*Встреча Святослава с Иоанном Цимисхием.
К. Лебедев, 1916.*

жеств по Верхней Оке в состав Московского государства. Но некоторые из их числа (Воротынское, Одоевское) сохранились как уделы даже после включения в состав Русского царства вплоть до 1573 года.

Ока – исторически важный водный путь в европейской части России. В период Древней Руси она сыграла важную роль в формировании торгового пути «из варяг в арабы» по системе Десна–Сейм–Ока–Волга. Ока и её притоки были частью путей, соединяющих Дон с Волгой: по рекам: Дон – Шат – Упа – Ока; рекам: Дон – Тихая Сосна – Зуша – Ока; рекам: Дон – Воронеж – Ряса – Волок – Хупта – Ранова – Проня – Ока.

В XVI веке по Оке проходил важный оборонительный рубеж, защищавший объединённую Русь от крымско-ногайских набегов. Вместе с лесными засечными полосами река Ока составляла оборонительный «Пояс Богородицы», а затем являлась естественной преградой против не званых гостей в составе Большой засечной черты более поздних засечных черт. Засечные черты представляли собой систему оборонительных сооружений – звеньев из деревьев средних и более размеров, поваленных крест-накрест вершинами в сторону противника. Помимо своей простоты и быстроты устройства, засеки являлись труднопреодолимым и трудноуничтожаемым препятствием для наступающих отрядов. Кроме того черта состояла и из укреплённых городов-крепостей (в 1630 году их насчитывалось свыше сорока), за состоянием засек наблюдал Пушкарский приказ. Но уже к концу XVII века засечные черты потеряли своё стратегическое значение и постепенно стёрлась с лица земли.

*Предположительный облик
Владимира Святославича*

Юрий КУЧУМОВ

Родился в 1955 году в небольшом посёлке Котово Волгоградской области. Окончил Казанский строительный институт. Работал на стройках КамАЗа, санитаром в психиатрической больнице, сторожем и дворником в детском саду, журналистом в различных печатных изданиях Набережных Челнов. Печатался в республиканских газетах и журналах. Автор книг стихов «Ночные прогулки» и «Странноприимный дом». В настоящее время живёт в Волгоградской области.

«ПРОСТИ БЕЗРАДОСТНОСТЬ СВИДАНИЯ...»

* * *

У окна перекошена рама,
приоткрыть можно только на треть.
У окна терпеливая мама
ждёт свою заплутавшую смерть.

Смотрит вдаль отрешённо часами,
теребит бесконечно платок.
За долами, горами, лесами
всё звучит ей какой-то манок.

Мама, мама... Вот адова мука –
этот холод уже не согреть,
разве только держать твою руку
да в окошко с тобою смотреть.

* * *

Степей простор так неогляден –
среди разнотравья и жнивья
блестят серебряные пряди
чарующего ковыля.

Не прижились тут ёлки-палки,
и лишь, как линии судьбы,
морщият степь овраги, балки –
по ним речушки и пруды.

Что города? Под гарью-пылью,
чугунным колоссам сродни.
А степи – лёгкие, как крылья
моей страны!

А мы, известно – человеки!
На наших высохших хребтах
хлеба растят, вздымают реки
и катят солнце в небесах.

ЕРМАК

Покурил на корточках у вьюшки,
пробурчал к чему-то: «Рас-с-туды...»,
старой алюминиевой кружкой
подчерпнул с ведёрочка воды.

Долго не желал со мною знаться –
всё сидел, насупившись, в ночи,
всё молчал. Лишь изредка сморкался:
так, по направлению к печи.

Впрочем, взял протянутую кружку,
буркнул что-то, луком похрустел,
сунул кулаком под бок подушку
и... как будто вовсе опустел.

С той поры – такая вот зараза –
не идёт из памяти никак,
как сидит безглазо и безгласно
тот мужик, по прозвищу Ермак.

ПРОЩАНИЕ С РЕКОЙ МЕДВЕДИЦЕЙ

Вечерний купол абажуром
притушит блёклый свет зари...
Про уходящие природы
ты только мне не говори.

Здесь потеряли голос птицы
и разучились вдруг летать.
И от прохода белых рыбиц
давно уж не вскипает гладь.

Пески твои замыло глиной,
ты – как дряхлеющая мать.
И нам не плыть дорогой длинной,
а ковылять да ковылять.

Уж всё здесь кажется нездешним.
Прощай, река. И в этом суть:
последний твой рыбак неспешно
пожитки собирает в путь.

Прости безрадостность свиданья.
(Что можно видеть без любви?)
Моё нелепое прощанье
пред встречей с холодом земли.

* * *

Из цикла "Странноприимный дом"

Сумрачный странник в ботиках старых,
шляпа нависла зонтом.
Руки в карманах, будто в подвалах,
в этом, на вырост, пальто.

В этих карманах, службою быта –
мыла обмылок, огромный платок.
Детям его, что давно позабыты,
не целовать его щёк.

Он затерялся в этих просторах,
будто пропал на войне.
В улицах города, как в коридорах,
стёрся в густой толчее.

Стёрлись давно уже звуки и лица –
их не к чему вспоминать.
Он не больной, но бредёт он в больницу,
будет он там умирать.

Съест на дорогу он манную кашу
да изготовится весь...
Вот и не больно, вот и не страшно.
Вот он уже и не здесь.

ДЯДЯ САША

Дядя Саша – добрый ветеран,
не ворчит и попусту не злится.
Дом его, открытый всем ветрам,
почему-то нравится синицам.

Я сижу с ним рядом и молчу,
внемлю байкам старого солдата.
Птицы скачут по его плечу
и клюют из телогрейки вату.

Он бубнит и ёрзает плечом –
как в бою был ловок и бесстрашен.
Но синицы знают, что почём:
знай себе долбают дядю Сашу.

Дядя Саша – полный кавалер,
грудь его по праздникам лучится!
Я молчу. Я только пионер.
Мне на плечи не садятся птицы.

В детстве с бабушкой пели «Варяга».
И там, где тянули слова:
«...во славу мы русского флага» –
клонила её голова.

Клонила она и дрожала,
когда запевали про Русь.
И в слове красивом «держава»
я слышал – Советский Союз.

Что знал я про Русь и про флаги,
про жизнь и про вечный покой,
когда – несмышлёныш-салага –
ей голову гладил рукой?

Не герб, не кремлёвские звёзды...
Но будут мне светом всегда –
в морщинках застывшие слёзы,
которых не понял тогда.

Неделя детской книги

Член Союза Российских писателей Ольга Аристарина приняла участие в открытии Недели детской книги на Орловщине

Выступить перед юными читателями орловского детского поэта пригласили сотрудники Орловской детской библиотеки им. М.М. Пришвина.

Ольга Аристарина почитала свои стихи, ответила на вопросы детей.

Библиотекарями была подготовлена большая игровая и познавательная программа.

Встрече посвящён сюжет телеканала «Первый областной»: [HTTPS://OBL1.RU/REPORTAGE/YUNYE-CHITATELI-VSTRETILIS-S-ORLOVSKOY-POETESSOY-OLGOJ-ARISTARINOY](https://obl1.ru/reportage/yunye-chitateli-vstretilis-s-orlovskoy-poetessoj-olgoj-aristarinoj)

Коллаж Елены Пимкиной

«Спасите пушкинский язык!»

Набирает обороты просветительский проект «Спасите пушкинский язык!», организаторами которого стали Орловское отделение Союза российских писателей и Академия изящной словесности «Орлея». Это седьмая по счёту инициатива ОРО СРП за последние годы. Акция посвящена 225-летию великого поэта Александра Пушкина. Её главная задача – пропаганда русского языка, поиск талантливых ребят, пробующих свои силы в литературном творчестве. Намечено в очном формате провести в районах области встречи с молодыми талантливыми сочинителями. Кроме того, продолжается приём стихов, прозы, эссе на Всероссийский литературный конкурс. Победители и призёры получают возможность собраться в Орле, где пройдут мастер-классы с участием известных писателей и награждение победителей и призёров конкурса.

Лучшие произведения конкурсантов будут опубликованы в очередных номерах альманаха «Тургеневский бережок» и журнала «Новый Орёл+XXI век». А обладатель Гран-при конкурса получит сертификат на издание своей первой книги.

Условия конкурса опубликованы на сайте СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ